

А. Ф. ТРЕШНИКОВ

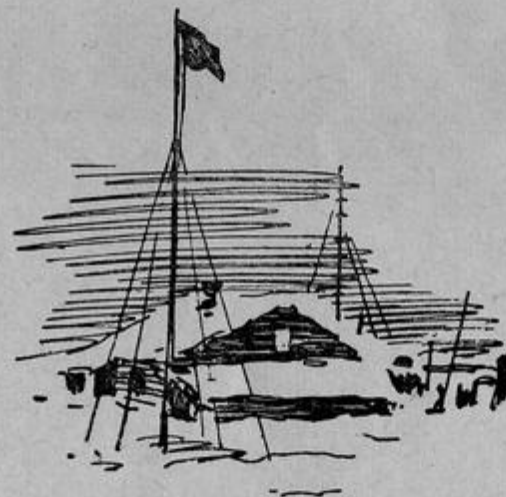
НА НОВОСИБИРСКИХ ОСТРОВАХ

А. Ф. ТРЁШНИКОВ

НА НОВОСИБИРСКИХ ОСТРОВАХ

история одной экспедиции

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"МОРСКОЙ ТРАНСПОРТ"
МОСКВА · 1955

ПРЕДИСЛОВИЕ

Весной 1954 года, в солнечный мартовский день с Ленинградского аэродрома поднялся серебристый самолет и, сделав приветственный круг, взял курс на север. Это улетали к месту основной базы — на дрейфующую научную станцию «Северный полюс-3» сотрудники Арктического института во главе с начальником станции Героем Социалистического Труда Алексеем Федоровичем Трешниковым.

Впервые с Арктикой А. Ф. Трешников познакомился в 1938 году, когда учился на последнем курсе Ленинградского университета, а спустя два года он уже зимовал на Новосибирских островах. С тех пор желание внести долю своего труда в исследование и освоение севера нашей Родины каждый год влечет Алексея Федоровича в Арктику.

«Есть в этом влечении, — пишет он в своей книге, — и доля романтики, не чуждой почти каждому из нас. Работа в Арктике стала для нас привычной, и все-таки каждый раз, направляясь туда, мы хотим найти, пережить что-либо необычайное. Это чувство свойственно почти каждому побывавшему хоть раз на Севере».

Великая Отечественная война застала А. Ф. Трешникова на Ляховских островах. Выполняя различные задания в Арктике, А. Ф. Трешников участвовал в сборе научной информации для морского и воздушного флота. Возглавляя ледовый патруль западного сектора Арктики в Карском море и не прекращая научных наблюдений, он начал готовить свою кандидатскую диссертацию о гидрологическом режиме новосибирских проливов, которую

защитил в 1944 году. Эта работа не только представляла научный интерес, но и имела немалое практическое значение для научно-оперативного обслуживания навигации на Северном морском пути. В дальнейшие годы А. Ф. Трёшников участвовал во многих ответственных и интересных арктических экспедициях. Выполненные при его участии с помощью самолетов океанографические наблюдения и исследования высоких широт Арктики существенно изменили ранее установившиеся представления о природе Центральной Арктики.

За особые заслуги в изучении Арктики Алексею Федоровичу Трёшникову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Книга «На Новосибирских островах» была им закончена в 1954 году, за несколько дней до вылета в Арктику на дрейфующую льдину.

Без прикрас, ярко, взволнованно повествует А. Ф. Трёшников о трудовых буднях советских полярников, которые в тяжелых условиях не отступили перед трудностями и закончили свои научные наблюдения.

Эта небольшая экспедиция, одна из тех, какие Арктический институт в продолжение вот уже трех десятилетий из года в год направляет для изучения различных районов Арктики, была снаряжена в 1940 году. На мысе Медвежьем (остров Котельный) ей предстояло обосновать полярную станцию и провести гидрологические работы в проливе Санникова, изучить его гидрологический режим.

В середине июля экспедиция приступила к гидрологическим работам в проливе Дмитрия Лаптева, затем возвратилась в бухту Тикси, чтобы взять на борт оборудование для станции на мысе Медвежьем.

Однако судно, которое должно было доставить снаряжение и продовольствие для зимовки на станции, запоздало. Между тем, пока ожидали это судно и перегружали с его борта на лихтер экспедиционное имущество, наступила осень, и в море началось ледообразование. Высадиться в намеченном пункте участникам экспедиции не удалось. Было решено выгрузиться вблизи полярной станции Кигилях на острове Большом Ляховском, а отсюда перебираться по сухопутью на Малый Ляховский остров к проливу Санникова.

С наступлением зимы в полярную ночь участники этой небольшой группы перебрались на северный берег Ма-

лого Ляховского острова, где А. Ф. Трёшникову поручено было вести метеорологические и гидрологические наблюдения.

Лучшие страницы книги — это яркие и живые рассказы А. Ф. Трёшникова о том, как, пройдя по льдам около четырехсот километров, группа из трех человек в течение пятнадцати суток выполняла на фарватере пролива Санникова, к югу от острова Фаддеевского гидрологические работы.

Тяжелые, полные лишений условия жизни на льду, в брезентовой палатке с выдолбленной посередине гидрологической лункой, при двадцатиградусном морозе, с весьма ограниченными запасами продовольствия и корма для собак не могли сломить стойкости и бодрости духа этого маленького коллектива. Проявляя крепкую спаянность и взаимную выручку, с большим трудом добывая себе в последние дни пищу, участники экспедиции в любых условиях ни на один день не прекращали свои научные наблюдения. Эти наблюдения экспедиции дали особенно ценный материал о гидрологическом режиме новосибирских проливов для научно-оперативного обслуживания арктического флота.

Выполнив задание, группа экспедиции двинулась в обратный путь к Малому Ляховскому острову на основную базу. Но в это время уже началась весенняя распутица, и полярникам пришлось идти по озерам талой воды. Около месяца продолжалось отважное путешествие трех советских полярников по изъеденному солнцем и водой, вот-вот готовому взломаться льду, с многочисленными купаниями в ледяной воде, без сна и пищи в течение многих суток.

Несомненный интерес представляют в книге отступления, в которых излагается история изучения и освоения этих трудно доступных районов Арктики. В кратком очерке об истории исследования и освоения Новосибирских островов, об их экономическом значении в прошлом и настоящем автор рассказал о подвигах русских полярников до революции и самоотверженной работе советских ученых в Арктике.

В. Пасецкий

ской обширной дельты. Четыре часа утра. Мои спутники еще спят под открытым небом после тяжелого дня разгрузки. Я сижу у костра... Потрескивают дрова, чайник поет над огнем свою монотонную песню. Тихо шуршит прибой, ласкаясь к отлогому берегу, покрытому галькой. Над водами залива амфитеатром раскинулись горы с пологими склонами и куполообразными вершинами — это отроги Хараулахского хребта, простирающегося вдоль правого берега Лены. В ложбинах лежит снег, местами видны куртинки зеленой травы. Небо закрыто белыми облаками. Птицы песнями встречают утро.

Но вот мы обогнали весну. В заливе, ближе к морю, еще стоит лед. Караван еще не может пройти в бухту Тикси, где должно зимовать наше экспедиционное судно «Темп».

На другой день к нашему лагерю подошли тракторы с огромными деревянными санями на буксире. На эти сани мы погрузили все наше снаряжение и через несколько часов были в порту Тикси.

Начало июля. В бухте, которая глубоко врезается в сушу, повсюду еще неподвижный лед. Наш моторно-парусный бот «Темп» стоит в середине залива Булункан. Связь с берегом поддерживаем по льду, хотя в нем уже много трещин, снежниц¹ и майн². Во время перевозки груза с берега на судно кое-кому из нас пришлось принять холодную ванну. Но дня через два мы уже сравнительно безопасно могли ходить по льду бухты, предварительно разведав места коварных ловушек — наиболее сильно разрушенных участков льда. Правда, вахтенный никого не отпускал на берег в одиночку. Мы должны были выходить группами не менее двух человек, снаряженные доской и веревкой, — предосторожность в это время безусловно не лишняя.

В те дни мне часто приходилось бывать на берегу по делам экспедиции, а иной раз в хорошую погоду я и без всякого дела отправлялся на берег побродить по горам вокруг бухты.

Светлоголубое небо, теплые, ласковые лучи солнца. Прохладный ветерок веет с ледяной поверхности бухты, разгоняя злющих комаров, внезапно появившихся здесь с южным ветром. Под ногами зеленая травка, местами

¹ Снежницы — скопления пресной воды, образованные от таяния снега на льду.

² Майна — продолговатая прорубь во льду.

заросли стелющейся по земле карликовой березы с очень мелкими листьями, а вот и полянки нежно-голубых незабудок с тонким, едва уловимым запахом весны.

С вершины горы на север открывается величественная картина моря, еще покрытого льдом. Огромный и сложный лабиринт пятен — снежниц и соединяющих их каналов темного тона выделяется на фоне белой, искрящейся в солнечных лучах поверхности льда.

Наступала уже середина июля. Лед был совершенно изъеден промоинами. Наше судно легко разбивало его. Вскоре лед взломало южным ветром и стало выносить в море. Только на горизонте осталась резкая белая полоса, четко выделявшаяся на фоне зеленовато-серой поверхности воды и голубого неба. Но вот со стороны моря задул ветер, вернулся лед, совсем серый, весь изъеденный водой. Теперь капитаны зимовавших судов спокойно отпускали почти всю команду на берег и уезжали сами. Даже шлюпка легко разрезает такой лед, вернее, не лед, а губчатую снежную корку, с легким шорохом распадающуюся на куски, которые, как сахар, быстро тают в воде. В море же, по сообщениям полярных станций и самолетов ледовой разведки, льдов еще много.

Прошел июль. Бухта становилась все более оживленной. Сюда пришли караваны ленских барж, лихтеров и брандвахт. Круглые сутки движение, шум: свистят буксирные пароходы, подтягивающие к причалам брандвахты и баржи под разгрузку и погрузку, снуют катеры и шлюпки с берега на суда и с судов на берег. На берегу — толпы приехавших с ленскими караванами рабочих и грузчиков. Трудно представить себе, что еще совсем недавно здесь были пустынные берега, где бродили лишь стада оленей. Изредка приезжали сюда на своих утлых лодочках — байдарах и ветках¹ якуты для рыбной ловли, да в кои-то веки в эту удобную естественную гавань заходили единичные суда.

Известный полярный исследователь Н. В. Пинегин в 1928 году писал о бухте Тикси:

«Бухта Тикси обширна, глубока и безлюдна. Ни одного домика на ее голых и пустынных берегах. Только изредка можно увидеть в долине у моря тордох²

¹ Ветки — маленькие плоскодонные лодки из досок.

² Тордох — жилище кочевника-эвена. Представляет собой конусообразную палатку с остовом из жердей.

кочевника-тунгуса или стадо диких оленей на склоне горы».

В 1932 году здесь была открыта полярная станция, а в 1933 году на берегу залива Булункан началось строительство порта. Не так уж много лет прошло с тех пор, как на эти берега была выгружена первая партия строительного груза, сейчас же это крупный населенный пункт.

Особенно хороши здесь тихие вечера. Солнце заходит за горы, на зеркальную поверхность воды ложится их тень, вершины горят золотым пламенем, а на склонах и над зеленеющими долинами повисает фиолетовая дымка. Звуки далеко разносятся по воде. Слышно, как стучат моторы электростанции. Но вот из-за гор показалось солнце, и где-то пропел петух...

Наконец, наступил день нашего выхода в море. Проведены последние ходовые испытания судна, определена и уничтожена девиация главного компаса. На борт «Темпа» нагрянули гости — провожающие. Работники порта, участники других экспедиций, родственники членов судовой команды и просто знакомые — все хотели пожелать нам счастливого пути.

Мы очень рады им, один только боцман недоволен — толчея на палубе мешает ему руководить укладкой и креплением палубного груза.

К двум часам ночи 8 августа все было готово. Мы снялись с якоря утром при тихой солнечной погоде, прошли Караульные камни, лежащие у входа в бухту. И вот перед нами раскинулось свободное от льда море Лаптевых. Поверхность воды играет переливами небольших волн. Небо отражается в этих переливах бездонное и глубокое, с обрывками неподвижно висящих облаков.

Вдали перед нами раскрывается необычайная панорама: искаженные сильной рефракцией мысы и горы висят в воздухе, раздваиваясь и затем как бы испаряясь, а на западе вместо берега Быковского полуострова вырос огромный фантастический лес.

Идем курсом к проливу Дмитрия Лаптева. Этот пролив отделяет от материка острова Новосибирского архипелага, расположенного на границе двух морей, — моря братьев Лаптевых и Восточно-Сибирского. Проливы Дмитрия Лаптева и Санникова соединяют эти моря, которыми проходят корабли, плавающие по Северному морскому пути.

В о время пути к проливу работать нам приходилось немного. Занят был один вахтенный гидролог, который вел наблюдения за погодой и температурой поверхности воды. Воспользовавшись свободным временем, мы устроили производственное совещание участников экспедиции вместе с судовым составом, проверили, все ли подготовлено к предстоящей работе во время зимовки, распределили вахты, договорились о распорядке.

10 августа «Темп» встал на якорь в середине восточной части пролива для установки многосуточной гидрологической станции.

Изучение гидрологического режима имеет важное значение для навигации. Еще в 1939 году Арктический институт направил в пролив Дмитрия Лаптева зимовочную гидрологическую экспедицию, которая провела в проливе зимние наблюдения над льдом. За несколько дней до нас из Тикси вышло судно «Смольный» и направилось к мысу Шалаурово, чтобы взять оттуда на борт гидрологов для дальнейшей работы в проливе Лаптева в течение зимы 1940 года.

Мы ежедневно наблюдали течения, определяли температуру и химический состав воды на разных глубинах, чтобы установить, как изменяются эти элементы во времени, и в будущем иметь возможность увязать эти изменения с ветрами, положением луны, колебанием уровня моря.

Обработка этих материалов обычно занимает значительно больше времени, чем сами наблюдения. Некоторое представление об условиях нашей работы могут дать записи из моего дневника.

10 августа. Небо покрыто седыми низкими облаками, они свисают, словно драпри, над едва заметными синеватыми горами острова. Временами облачный покров разрывается, и видно голубое небо. Видимость то очень хорошая, то уменьшается до 2—3 миль набегающими низкими облаками.

Вокруг судна появилось несколько нерп. Подплывая близко к борту судна, они поднимают мокрую морду над водой и с любопытством смотрят на нас. Особенно хорошо они идут на свист. Одну из них привлек своей яркокрасной окраской поплавков, опущенный на тонком лине с кормы судна. Нерпа подплыла к нему и стала с ним играть. Вахтенный гидролог с интересом наблюдал за этой игрой. Вдруг нерпа нырнула, а вместе с нею пошел ко дну и поплавок. Когда гидролог вытащил поплавок на палубу, бидон был смят в лепешку. Пришлось поставить другой. Это происшествие нас озадачило. Неужели нерпа обладает такой силой? Вряд ли. Вероятно, она, нырнув, попала головой в нижнее ведро поплавка и утащила его на дно. Хотя глубина здесь и небольшая, но давление столба воды было достаточным, чтобы раздавить пустой закупоренный бидон.

После этого случая решили нерп отпугивать или убивать. Положили наготове карабин. Цель не замедлила явиться. Меткая пуля попала животному прямо в голову.

Нерпа перевернулась и распласталась на поверхности. Вода вокруг окрасилась кровью. Но пока спускали шлюпку убитая нерпа затонула. Над расплывшимся пятном крови кружились чайки.

11 августа. С утра и до полуночи дул сильный ветер. Судно качает, но работ не прекращаем. Нас четыре гидролога. Вахту стоим по двое. Один непрерывно определяет течение морской вертушкой — на глубине, поплавками — на поверхности. Второй каждый час измеряет температуру воды и берет пробы воды с разных глубин с помощью батометров. Нам помогают два вахтенных матроса. Химик сидит в своей лаборатории и анализирует пробы добытой нами

Ежечасно определяем течение воды.

После 12 часов работы на сильном ветру, при непрерывном дожде приятно оказаться в уютной каюте, заснуть в тепле. Наш начальник Леонид Иванович Леонов заботливо ухаживает за нами: к смене вахт каюты убраны, протоплен камелек; Леонов следит, чтобы нас хорошо и во-время кормили, а в критические минуты он и сам включается в работу на палубе.

15 августа. Пять суток работы в одной точке. Работа однообразная, но время летит незаметно. Ветер часто меняется. Картина течений весьма сложная, и придется потом немало поработать, чтобы объяснить их. Вот, например, сегодня с утра дул юго-восточный ветер, а потом стих и осталась сильная зыбь. Но течение неожиданно повернуло против недавно затихшего ветра и достигло большой силы. И лишь через несколько часов подул попутный течению ветер. Очевидно, течение обогнало дувший где-то в море Лаптевых западный ветер.

Вечером, когда на севере солнце зашло за облака, на востоке появилась луна — огромный шар желтоват-розового цвета поднялся из-за моря в зеленоватом сумраке горизонта и вскоре растворился на светлом небе. А на западе несколько минут ярко мерцала Венера.

Ветер и холод, температура воздуха один-два градуса выше нуля. Перед глазами огромная, меняющаяся каждый миг свои очертания холмистая равнина волнующейся поверхности моря. Западный ветер гонит отдельные льдины самой причудливой формы, напоминающие то грибы-исполины, то лебедей, то верблюдов, то какие-тоobeliski. Ударяясь о края этих льдин, волны рассыпаются белыми столбами брызг, незаметно, но настойчиво разрушая их.

22 августа. Чудесная тихая погода. За лето здесь редко выдаются такие дни.

Полный штиль. Море сверкает гладкой, полированной поверхностью. Видимость превосходная. Над горизонтом всплывают искаженные рефракцией далекие мысы, горы.

Кончился день, солнце заходит за горизонт. На несколько часов наступают сумерки; с каждым днем они становятся все мутнее и мутнее. Светит луна, и лунная дорожка, сужаясь, уходит к горизонту.

За эти дни через пролив прошло несколько транспортных судов с востока на запад. Навигация в разгаре. Большие морские пароходы везут в северные порты хлеб,

продовольствие, строительные материалы, вывозят из этих мест пушнину, ценные полезные ископаемые. Наблюдая оживленное движение судов по проливу, я невольно уносился мыслью в далекое прошлое...

Более трехсот лет назад пролив Дмитрия Лаптева уже был известен русским мореходам.

Одним из первых этим проливом прошел из Лены на Индигирку Федор Чюрка в 1640 году. В том же году в обратном направлении прошел через пролив тобольский купец Иван Робров, тот самый Робров, который за семь лет до этого первым пустился в плавание из реки Лены в море.

С этого времени мореплавание в Сибирском море становится весьма оживленным.

Утлые суденышки—кочи первых мореходов шли обычно вдоль берега, используя прибрежные полыньи и разводья. Нередко мореходы попадали в беду, испытывали тяжелые лишения. Часто кочи разбивались льдами, и землепроходцам приходилось по льдам пробираться на берег к жилью. Многие находили себе могилу в этом суровом ледяном краю. Но никакие опасности и лишения не могли остановить отважных русских людей, устремлявшихся в неизведанные земли.

Осенью 1739 года проливом прошел один из отрядов Великой северной экспедиции на парусном боте «Иркутск». Отрядом командовал лейтенант Дмитрий Лаптев. Отряд выполнил первую опись материкового берега, и пролив впервые был нанесен на карту.

Эти работы сохранили свое значение на многие десятилетия. По ним составлялись географические и навигационные карты. Пролив был заслуженно назван именем отважного русского морехода и исследователя.

В 1761 году через пролив прошел купец Никита Шалауров, страстный исследователь по натуре. Он неоднократно делал смелые попытки пройти к востоку от Колымы, стремясь обогнуть северо-восточный угол Азии. Но в 1764 году Никита Шалауров умер на материковом берегу Восточно-Сибирского моря, куда попал с разбитого во льдах судна.

«...сей славе, — писал впоследствии о Шалаурове исследователь Севера Ф. П. Врангель, — принес он в жертву и имя свое и свою жизнь». Именем Шалаурова назван юго-восточный мыс Большого Ляховского острова, а также

расположенный в Восточно-Сибирском море остров, которого, повидимому, он достиг во время своего последнего похода.

После плавания Шалаурова в течение ста с лишним лет ни одно судно не прошло проливом Дмитрия Лаптева.

Только в 1912 и 1913 годах на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» проливом Дмитрия Лаптева проходила хорошо известная гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана. На долю этой экспедиции выпало счастье сделать крупное географическое открытие — она открыла архипелаг, расположенный к северу от мыса Челюскина, получивший впоследствии название Северной Земли.

Морские карты с указанием глубин, составленные экспедицией «Таймыра» и «Вайгача», долгое время сохраняли свое значение.

Но это все были отдельные плавания. Планомерные же, систематические рейсы судов через пролив установились только в советское время.

Развитие хозяйства Якутской республики настоятельно требовало ранее существовавшие рейсы из Владивостока в устье Колымы продолжить до устья Лены.

Первым советским судном, проплывшим с грузом из устья Колымы в бухту Тикси, была шхуна «Полярная звезда». В 1926 году она прошла из Восточно-Сибирского моря в море Лаптевых через пролив Санникова.

Из Владивостока в Тикси первым рейсом прошел с грузом пароход «Колыма» под командой капитана П. Г. Миловзорова в 1927 году. Проливом Дмитрия Лаптева пароход прошел в начале августа. В 1928 году пароход «Колыма» повторил этот грузовой рейс, однако это плавание было очень тяжелым. Лишь благодаря опытности капитана оно завершилось успешно.

В течение нескольких последующих лет грузовые рейсы из Владивостока в Тикси не предпринимались. Только мелкие каботажные суда плавали между устьями рек.

Затишье в плавании на этом участке объяснялось отчасти недостаточным количеством судов в дальневосточной конторе Совторгфлота. Кроме того, в те годы не была еще создана метеорологическая и ледовая служба. Успех рейса, как это показал рейс парохода «Колыма», всецело зависел от искусства и опытности капитана, который вынужден был вести судно, по существу, вслепую.

Прошли эти годы затишья, и в 1932 году через пролив Дмитрия Лаптева идет прославленный пароход «Сибиряков». По заданию правительства рейс из Атлантического в Тихий океан «Сибиряков» проделал в одну навигацию. За «Сибиряковым» из бухты Тикси через пролив шли на буксире речные колесные пароходы «Партизан» и «Якут», доставленные затем в устье Колымы. Этот рейс стал переломным моментом в освоении Северного морского пути. В конце 1932 года было создано Главное управление Северного морского пути, на которое правительством возлагалась задача «продолжить окончательно Северный морской путь от Белого моря до Берингова пролива, содержать его в исправном состоянии и обеспечить безопасность плавания по этому пути...»

В 1933 году морские суда так называемой Первой ленской экспедиции перевозили грузы с запада вновь закладываемые порты моря Лаптевых. Из Оби на Лену морским путем перегнали речной пароход «Первая пятилетка» с большим лихтером. Кроме того, в тот же год речные пароходы и баржи с грузом были направлены с Лены на Колыму. Эту операцию постигла неудача. Караван, состоявший из пяти речных пароходов и шести барж, которые вел на буксире ледокол «Ленин», 14 августа вышел из Тикси и благополучно прошел проливом Дмитрия Лаптева. Но при выходе из пролива караван был застигнут сильным ветром. Суда, не приспособленные к морскому плаванию, стали принимать на палубу воду. «Ленин» подвел караван к стамухе¹, и все пароходы вместе с баржами на буксире пришвартовались к ней.

Стамуха оказалась весьма внушительных размеров — длиной около километра и шириной пятьдесят метров. Она хорошо укрывала суда от поднявшегося волнения. Бивший о лед прибой постепенно подтачивал стамуху, и она вот-вот могла расколоться. В это время одна из отколовшихся льдин сорвала с якорей пароход «Революционер» с двумя баржами, и их понесло по ветру. Вскоре рассыпалась вся стамуха, и суда ветром разбросало по морю. Пароход «Революционер» получил пробоину и начал тонуть. Тем временем горизонт заволкло туманом. Разыгралась настоящая метель. Ледокол «Ленин» направился полным ходом к тонувшему пароходу, но уже было

¹ Стамуха — большая льдина, сидящая на мели.

поздно: до его прихода пароход затонул. 48 членов экипажа были сняты находившимся поблизости другим речным пароходом. Одна из барж тоже получила сильное повреждение, но она, к счастью, была нагружена преимущественно лесом и поэтому не затонула. После шторма груз с нее был перегружен на другие суда.

Этот случай характерен для того времени, когда в Арктике не было службы погоды и капитаны не получали никаких информации о ветрах и льдах, которые им встретятся.

Теперь ежегодно речные караваны безопасно совершают свои рейсы между Леной, Яной, Колымой и Индигиркой. По Северному морскому пути от Архангельска до Владивостока плавают океанские пароходы с большой осадкой. Однако пролив Дмитрия Лаптева неглубок. Здесь часто встречаются отдельные мелкие места — банки. Пролив же Санникова имеет большие глубины, но ледовые условия в нем менее благоприятны, чем в проливе Дмитрия Лаптева.

В связи с этим и возникла необходимость гидрологического изучения пролива Санникова. Эта задача была поставлена перед нашей экспедицией.

Возвращаемся к рейсу «Темпа».

22 августа мы получили из тиксинского бюро погоды сообщения, что пролив Санникова очистился от льда. Связались с капитаном шхуны «Смольный». Он просил подождать его прихода. «Смольный» должен был стать на наше место в проливе Дмитрия Лаптева и продолжить начатую нами работу.

Вот с востока над горизонтом показались мачты «Смольного», а затем и вся шхуна. Красиво и легко шхуна скользит по спокойной глади пролива. Мы с нетерпением ждем встречи с товарищами. На борту «Смольного» с неменьшим нетерпением ждут и нас. Если нам интересно было увидеть людей, которые провели в этих краях больше года, то они ждали подробных вестей о родных и знакомых. Шлюпки снуют от борта к борту. После первых приветствий гидрологи «Смольного» уже приступили к работе. Начальники экспедиций договорились о передаче нам части зимовочного снаряжения. Завхозы занялись составлением актов, ведомостей и прочего. Я отдал копии материалов наших наблюдений гидрологам «Смольного». После того как мы передали все, что при-

везли с собой из Ленинграда, зимовщики рассказали нам о своей работе за прошедший год.

Наконец, все формальности закончены. Мы получили массу меховых вещей, часть приборов. Последнюю часть оборудования и упряжку собак нам следовало получить на полярной станции Шалаурово.

Пожатия рук, пожелания счастливого пути, и мы, снявшись с якоря, взяли курс на Шалаурово. Через два часа в предутреннем тумане перед нами показались неясные контуры постройки полярной станции на низком отлогом берегу. У самого уреза воды — футшточная установка для наблюдения за колебанием уровня.

Через два часа мы уже шли дальше на запад проливом Дмитрия Лаптева. Справа показались горы полуострова Кигилях. Из воды круто, как огромный шатер, поднималась гора. Западнее этой горы на фоне острова выделялись останцы — столбы выветрившихся гранитных пород. Группами и в одиночку, как изваяния, стоят эти каменные глыбы, напоминающие фигуры застывших людей в черном одеянии. Кигиляхи — называют их якуты, что означает «каменные люди».

Обогнули полуостров Кигилях и легли на курс в пролив Санникова.

Кигиляхи — «каменные люди» — столбы выветрившихся гранитных пород

НОВОСИБИРСКИЕ ОСТРОВА

Новосибирские острова расположены к северу от материкового берега Восточной Сибири, против побережья, лежащего между реками Яной и Колымой. С запада берега островов омываются водами моря Лаптевых, с востока — водами Восточно-Сибирского моря. Таким образом, острова являются естественной границей, разделяющей эти два моря.

К северу от них простирается Центральный полярный бассейн Северного Ледовитого океана.

Через проливы Новосибирских островов — Дмитрия Лаптева и Санникова — проходит, как мы уже говорили, трасса Северного морского пути. Корабль, идущий к Новосибирским островам с запада, из Архангельска, пересекает четыре моря: Белое, южную часть Баренцова, Карское и море Лаптевых. Корабль, который идет к островам из Владивостока, проходит через пять морей: Японское, Охотское, Берингово, Чукотское и Восточно-Сибирское.

По административному делению Новосибирские острова входят в состав Якутской Автономной Советской Социалистической Республики.

Весь архипелаг расположен на Сибирской материковой отмели, представляющей собой подводное продолжение материка.

Самый южный остров — Большой Ляховский отделен от материка проливом Дмитрия Лаптева. К северу от него расположен остров Малый Ляховский; их разделяет мелководный, несудоходный пролив Этерикан. К западу от этих островов лежит остров Столбовой. Эта группа островов называется Ляховскими островами, а в старину промышленники называли их Ближними.

Основную островную группу архипелага, называемую в лоции островами Анжу, составляют острова Бельковский, Котельный, Земля Бунге, Фаддеевский и Новая Сибирь. Они отделены от Ляховских островов проливом Санникова.

Острова Котельный, Земля Бунге и Фаддеевский — это, по существу, один остров. Земля Бунге, расположенная между островами Котельным и Фаддеевским, представляет собой песчаную равнину, незначительно приподнятую над уровнем моря. На востоке она лишь в южной части отделена от острова Фаддеевского заливом Геденштрома, настолько мелководным, что по нему летом с трудом можно передвигаться на обыкновенной лодке. В северной части пески этой земли подходят вплотную к высоким берегам Фаддеевского острова. На западе Земля Бунге примыкает к холмам острова Котельного.

Три части этой обширной суши носят разные наименования и считаются тремя островами в связи с тем, что у них различный рельеф и открыты они были в разное время. Остров Бельковский отделен от Котельного проливом Зари. У южного берега острова Бельковского в виде отдельной скалы возвышается островок Стрижева.

Остров Новая Сибирь отделен от острова Фаддеевского Благовещенским проливом.

К северу и северо-востоку от Новой Сибири расположена группа небольших скалистых островов де Лонга. В эту группу входят острова Беннетта, Вилькицкого, Жохова, Генриетты и Жаннетты. Самый северный из островов Новосибирского архипелага — остров Генриетты.

По преданиям, сохранившимся в памяти чукчей и якутов, на побережье Ледовитого моря жило племя аквилонов, в дальнейшем ушедшее на север, на острова Ледовитого океана под натиском пришедших с юга племен.

Развалины земляных жилищ, каменные орудия, найденные первыми исследователями Новосибирских островов, подтверждают эти предания. Однако специальных раскопок и исследований на Новосибирских островах до сих пор не производилось. Возможно, что наши археологи нашли бы здесь много интересного и важного для выяснения судьбы этих племен.

Первые сведения о Новосибирских островах, полученные русскими, вероятно, от жителей прианского края, были смутными и весьма неопределенными. Новосибирские острова при этом отождествлялись с Медвежьими островами, расположенными против устья Колымы, или принимались за один огромный остров.

Так, например, основатель Нижне-Колымского зимовья Михайло Стадухин в 1647 году сообщил в Якутск,

со слов местных жителей, о существовании большого острова, простирающегося от Святого Носа до Колымы. Он сообщил также, что этот остров богат «моржовым зубом», как называли тогда клыки мамонта.

Вскоре были сделаны попытки разведать земли к северу от устья Яны и Святого Носа. В 1650 году из Якутска был послан служилый человек Юрий Селиверстов с заданием «итить морем на остров и кость промыслить». В следующем году в устье Яны отряд Селиверстова был ограблен промышленниками и, лишившись запасов продовольствия, направился в устье Колымы.

В 1652 году якутские власти поручили разведать земли к северу от Яны тобольскому казаку Ивану Роборову — первооткрывателю рек Яны и Индигирки, который больше 20 лет собирал налог — ясак с населения побережья от Лены до Колымы.

Первое достоверное письменное показание о существовании острова против Святого Носа было получено в Якутске в 1710 году от устьянского казака Якова Пермякова, видевшего этот остров на пути из Лены в Колыму.

Сведения эти дошли до сибирского губернатора князя Гагарина, который приказал якутскому воеводе Траурнихту ускорить разведывание островов.

Траурнихт, следуя этому приказанию, отправил два отряда: один к устью Яны, другой в Колыму. Отрядам было предписано обозреть Ледовитое море «хоть водою, хоть по льду» и не возвращаться, доколе не разрешится вопрос об островах или неизвестной земле.

Первый отряд в составе одиннадцати казаков под начальством Меркурия Вагина ушел из Якутска осенью 1711 года. В этот отряд входил и Яков Пермяков. В мае 1712 года отряд на собаках достиг Святого Носа, откуда по льду направился прямо на север и прибыл к большому острову. Это был остров, названный впоследствии Большим Ляховским. Отряд объехал остров кругом в течение двенадцати дней. С северного берега они видели другой остров или землю (остров Малый Ляховский). Но Вагин не рискнул направиться к этому острову: отряд испытывал недостаток в продовольствии, а уже начавшееся таяние льдов и вскрывшееся море отрезали бы отряду обратный путь. Вагин решил вернуться на материк, с тем чтобы летом запастись рыбой и следующей зимой продолжить исследование к северу от открытого острова. Отряд вышел

на берег между рекой Хромой и мысом Святой Нос и направился к реке Хроме, где предполагалось начать рыбную ловлю. Однако сильно разлившиеся озера и болота преградили им все пути к рыбным рекам. Съестные припасы между тем кончились, и люди вынуждены были питаться собаками и леммингами. В конце концов отряду пришлось вернуться к морскому берегу и прожить здесь все лето.

Несмотря на испытанные лишения, Меркурий Вагин решил на будущий год с наступлением зимы снова идти на север. Казаки, не желая еще раз испытать все лишения, взбунтовались и убили начальника отряда и его ближайших помощников.

Убийцы возвратились в Усть-Янск, где вскоре преступление их было раскрыто. Два зачинщика были повешены, остальные после наказания кнутом были сосланы на побережье Охотского моря. Несмотря на сообщенные преступниками под пытками сведения, факт открытия Меркурием Вагиным Новосибирских островов был на долгие годы похоронен в бумагах якутского судебного архива.

В последующие годы снова делались неоднократные, но столь же безуспешные попытки найти все еще неизвестные острова.

А слухи о новых землях между тем продолжали расти. Промышленник Иван Вилегин сообщил в 1724 году в Якутске, что он побывал в 1720 году на острове против устья реки Чукочьей, к западу от устья Колымы. По его мнению, «протянулась земля онаия мимо реки Индигирки и Святого Носа до устья реки Яны, а с другой стороны простирается мимо Колымского устья до жилищ Шелагов, которые суть род Чукчей. Сие ему сказал Шелагинский мужик Копай, к которому он ездил в 1723 году и взял с него ясак».

Возможно, что Вилегин был на Крестовском острове, первом с запада из группы Медвежьих островов против устья Колымы, хотя весьма странно, почему в таком случае он не смог определить, что это лишь небольшой островок. Конечно, сейчас нельзя установить, что из сообщенного Вилегиным видел он сам и что слышал от местных жителей.

В то время многие в своем представлении соединяли Большой Ляховский остров с Медвежьими островами и даже с островом Врангеля в Чукотском море. Еще раньше Михайло Стадухин высказывал предположение,

что эта громадная земля — продолжение Новой Земли, южные берега которой были в то время хорошо известны промышленникам.

Новосибирские острова не были обнаружены и отрядом Великой Северной экспедиции под начальством Дмитрия Лаптева. Производя с 1736 до 1743 года опись материкового берега от устья Лены на восток, отряд открыл лишь два небольших островка вблизи материкового берега в проливе Дмитрия Лаптева: остров Меркурьева и остров Святого Диомида, которые впоследствии растаяли, так как были сложены из ископаемого льда.

В дальнейшем, в 1762 году, после плавания из устья Яны в Колыму, якутский купец Никита Шалауров сообщил, что к северу от Святого Носа им была усмотрена большая гористая земля. Это, без сомнения, и был Большой Ляховский остров.

Примерно в это время другой якутский купец Иван Ляхов заинтересовался распространенными среди местного населения слухами о залежах мамонтовых клыков между реками Хатангой и Анабарой. Добыча этих клыков могла оказаться очень выгодной, так как мамонтовая кость пользовалась большим спросом на европейском рынке и на азиатском — в Китае. Ляхов, человек предприимчивый и энергичный, за двадцать лет изъездил весь южный берег моря Лаптевых в поисках мест залегания мамонтовой кости.

В марте 1770 года Ляхов, производивший раскопки у Святого Носа, увидел стадо оленей, шедших с моря на материк. Он и до этого неоднократно слышал рассказы

Останки древних животных

жителей прианского края о богатых мамонтовой костью островах на севере от Святого Носа. Массовый переход стада оленей подтверждал рассказы о существовании на севере земли.

Ляхов решил попытать счастья. По следам оленей на санях он достиг первого острова. Следы шли и дальше к северу. Он поехал по ним, и они привели его на следующий остров. Но и на этом острове следы не кончались. Они вели все дальше на север. Ободренный успехом, Ляхов направился по следам, однако, встретив тяжелый торосистый лед, он вынужден был вскоре вернуться обратно.

Понимая всю важность сделанного им географического открытия, Ляхов немедленно помчался с докладом в Якутск, где просил предоставить ему монопольное право на сбор мамонтовой кости и промысел пушного зверя на вновь открытых островах.

Доклад Ляхова об открытии и его просьба были благосклонно встречены правительством. Указом Екатерины II Ивану Ляхову было предоставлено исключительное право промыслять мамонтовую кость и песцов как на уже открытых островах, так и на тех, которые будут им открыты в будущем. В виде особой милости открытые в 1770 году острова указом были названы Ляховскими.

Таким образом, острова, открытые задолго до этого Меркурием Вагиным, были окончательно открыты Иваном Ляховым. Позднее, в память первого открывателя островов, северо-западный мыс полуострова Кигилях на острове Большом Ляховском был назван мысом Вагина.

Потратившись на крупные взятки властям, Ляхов уже был не в силах самостоятельно развернуть свое предприятие и вынужден был принять в компанию купца Протодияконова.

Летом 1773 года Ляхов и Протодияконов направились на лодке с пятью гребцами на север от острова Малого Ляховского. На этот раз здесь был открыт еще один остров, который вначале называли Третьим. Один из гребцов оставил на Третьем острове медный котел, и промышленники впоследствии называли этот остров Котельным.

Вернувшись на Большой Ляховский остров, промышленники выстроили здесь из плавника избу¹, перезимовали в ней и в 1774 году вернулись в Якутск.

¹ Следы этой избы под названием Малого зимовья сохранились до настоящего времени.

В поисках костей мамонта и других животных промышленники обнаружили в устьях островных рек много рыбы, а на земле — следы песцов, белых медведей, волков и оленей. Протодияконов сообщил, что в окружающих водах водятся белухи и киты. Сведения о белухах подтвердились последующими наблюдениями, но сообщение о китах было неправдоподобным, так как в этих водах их больше никто никогда не видал.

Размеры острова Котельного еще не были определены. Промышленники лишь сообщили, что «остров показался весьма обширным». Так возникли предположения о том, что остров соединяется с американским берегом.

Предположение, высказанное более ста лет назад Михаилом Стадухиным на основании весьма неопределенных сведений местных жителей, дало повод одному из картографов XVII века нарисовать карту, на которой Новая Земля тянется на восток параллельно берегам Сибири и соединяется с американским берегом.

Чтобы определить размеры открытых земель и сделать их подробную опись, якутская воеводская канцелярия прикомандировала к Ляхову землемера Хвойнова.

Ляхов между тем энергично развернул эксплуатацию природных богатств островов. Уже весной 1775 года он направил на Большой и Малый Ляховские острова несколько партий промышленников. Летом промышленники добывали мамонтовую кость, а поздней осенью ловили песцов. На зиму же они уезжали в Усть-Янск. Но главным объектом промысла в то время оставались бивни мамонта. Поэтому промысловые артели Ляхова расселялись на ближних островах, где кости было больше, чем на северных.

Землемер Хвойнов с одной из партий промышленников прибыл на Большой Ляховский остров в конце марта 1775 года, до июня объехал вокруг этого острова и благополучно вернулся в Усть-Янск. В 1776 году Хвойнову надлежало закончить опись Ляховских островов, но плохая погода, недостаток транспортных средств и продовольствия остановили его. Такой же безуспешной была попытка Хвойнова и в следующем году. Ему удалось лишь собрать сведения от промышленников и начертить весьма приблизительную карту острова Малого Ляховского.

В последних годах XVIII столетия купец Иван Ляхов умер. Право на промысел, а фактически и на владение

островами якутская воеводская канцелярия продала купцу Сыроватскому.

Семен Сыроватский, а позднее его сын Лев Сыроватский развернули на островах промыслы в еще большем масштабе. Они посылали партии промышленников не только на ближние острова, но и на северные. Предоставляя промышленникам широкую инициативу в выборе места для промысла и ссужая их инвентарем и продовольствием, они забирали себе львиную долю добычи, а остальное скупали за бесценок. Мамонтова кость, добытая на островах, имела большой спрос и ценилась выше, чем кость, добытая на материковом берегу. Купцы Сыроватские получали огромные доходы, и вполне понятно, что вскоре у них появились конкуренты, которые также хотели поживиться богатствами островов.

К этому времени относится начало деятельности Якова Санникова, якутского мещанина, который начал со службы у Сыроватского начальником артели — «передовщиком». Энергичный, хорошо знавший местные условия, обладавший незаурядным умом, Санников сыграл весьма значительную роль в исследовании Новосибирских островов.

Весной 1880 года к западу от острова Малого Ляховского Санников открыл остров Столбовой и описал его.

На этом острове были найдены кресты и обнаружены следы пребывания мореходов. Повидимому, этот остров посещали русские мореходы еще в XVII столетии, когда мореплавание в этих водах было довольно интенсивным. К сожалению, письменных свидетельств об этом не сохранилось. Были ли эти мореходы случайно заброшены сюда бурей и погибли здесь, или они приплыли сюда намеренно, с целью покорения местных жителей и сбора с них ясака, но ушли ни с чем, — это, повидимому, останется тайной.

В 1805 году Санниковым был открыт остров к востоку от Котельного. На этом острове обосновал первое зимовье промышленник Фаддеев. Потому и остров был назван Фаддеевским.

Продвигаясь дальше на восток от острова Фаддеевского, промышленники Сыроватского открыли еще один большой остров, которому позднее русский путешественник М. Ф. Геденштром дал название Новой Сибири. В 1808 году, объезжая юго-западный берег острова Котельного, промышленники к западу от него увидели еще

какую-то землю. Один из них — Бельков добрался по льду до этой земли и установил, что она также является островом. Остров этот был назван Бельковским.

В 1815 году якут Максим Ляхов ехал по льду из дельты Лены с мыса Баркин стан на остров Котельный. Сбившись с дороги к западу от острова Столбового, он набрел на два небольших острова, получивших впоследствии название Семеновского и Васильевского. Сложенные из ископаемого льда, эти острова, как и острова Меркурьева и Святого Диомида, впоследствии растаяли, и ныне от них остались лишь отмели.

Таким образом, к началу XIX столетия были открыты все крупные острова Новосибирского архипелага.

После смерти Ивана Ляхова споры между якутскими купцами за право заниматься промыслом на Новосибирских островах вызвали многочисленные доносы и прошения. Сведения о богатых промыслах на островах докатились до Петербурга. Островами заинтересовался государственный канцлер Николай Петрович Румянцев. В 1808 году он отправил специальную экспедицию под начальством чиновника М. Ф. Геденштрома, находившегося в административной ссылке в городе Тобольске, с заданием обследовать острова и нанести их на карту.

Получив предписание Румянцева, Геденштром в сопровождении унтер-офицера Решетникова и сотника Татаринова прибыл в Якутск, где собрал у купцов и промышленников все необходимые сведения об островах.

Об этой экспедиции услышал Яков Санников. Он предложил Геденштрому свои услуги, и Геденштром охотно согласился их принять. В окончательном виде экспедиция сформировалась в Усть-Янске, куда Геденштром прибыл в феврале 1809 года. Местным властям было предписано оказать полное содействие экспедиции, снабдить ее транспортом и всем необходимым. Кроме Санникова, в состав экспедиции вошел местный землемер Кожевин. К экспедиции прикомандировывались местные промышленники.

Уже в марте 1809 года экспедиция, снаряженная собачьими упряжками, прибыла на остров Фаддеевский. Отсюда Геденштром с устьянским крестьянином Портнягиным проехал по льду на остров Новая Сибирь. Кожевин получил задание описать остров Фаддеевский, а Санников с этой же целью был отправлен на остров Котельный.

За эту весну до вскрытия льдов Геденштром обследовал южный берег Новой Сибири, а на лето вернулся в Усть-Янск. Кожевин описал западный, южный и восточный берега острова Фаддеевского, объехал Большой Ляховский, запеленговал Малый Ляховский и благополучно вернулся на лето в Усть-Янск. Санников же с Котельного был направлен вместе с промышленниками на Новую Сибирь для того, чтобы организовать базу экспедиции. Здесь они провели лето, построили два зимовья и три промысловых стана и в ноябре также возвратились в Усть-Янск.

На острове Фаддеевском Санников нашел юкагирские сани, выделанную кость с выемкой, в которую вкладывалось каменное острие для сбивания с оленьих кож шерсти, а на Новой Сибири — мамонтовую кость, выделанную наподобие чукотского топора.

«Все сие доказывает, — писал один из исследователей Севера, — что были на тех островах юкагиры, с давних лет туда зашедшие, ибо если предполагать, что вещи сии принадлежат нынешним юкагирам матерого берега, то для чего им употреблять кость и камень вместо железа, которого у них довольно привозного».

Весной следующего 1810 года Геденштром, имея в своем распоряжении большой собачий транспорт из 29 упряжек, прибыл 13 марта на мыс Песцовый острова Новая Сибирь. В этом походе вместо заболевшего Кожевина участвовал геодезист Пшеницын. Обследовав восточный берег острова Новая Сибирь и определив его размеры, Геденштром отправился по льду на северо-восток. Пройдя около 80 верст, он встретил открытую воду, по которой носился пловучий лед. Повернув на юг для следования к устью Колымы, Геденштром три раза приближался к открытой воде и вынужден был вернуться на материк.

Теперь хорошо известно, что Геденштром попал на границу неподвижного льда — припая. Пловучий лед часто отгоняется южными ветрами к северу, оставляя полосу открытой воды в несколько десятков километров шириной. Но Геденштром считал, что он попал на окраину никогда не замерзающего океана.

В том же году Санников пересек Новую Сибирь с юга на север. С северного берега он увидел землю с высокими горами и отправился к ней по льду, но, встретив так же, как и Геденштром, в 25 верстах от берега заприпайную

полынью, повернул обратно. Не лишено оснований предположение, что Санников видел остров Беннетта, вновь «открытый» в дальнейшем в 1881 году де Лонгом.

Затем Санников переехал на остров Котельный и провел лето на западном его берегу, промышляя мамонтовую кость. Вернувшись осенью в Усть-Янск, Санников встретился здесь с Геденштромом и рассказал, что на западном берегу Котельного, севернее тех мест, до которых доходили прежние промышленники, он нашел могилу с деревянным крестом с вырезанной на нем славянской надписью. Подле могилы стояла нарта, по которой было видно, что люди тащили ее на лямках. Около креста лежали копья и две железные стрелы, недалеко стояло четырехугольное рубленое зимовье, в котором были найдены предметы домашнего обихода из оленьего рога, тесанные топором. Летом следующего года здесь также было найдено много вещей и еще несколько могил, а в устье реки Балыктах вблизи могилы нашли остатки судна из сосны и кедра.

Повидимому, это был последний лагерь сибирских мореходов XVII века. Но кто же здесь был? Об этом мы точных сведений не имеем.

Окончательная опись островов была поручена геодезисту Пшеницыну, в помощь которому назначили Санникова, унтер-офицера Решетникова и сотника Татарина.

В марте 1811 года Пшеницын объехал вокруг острова Новая Сибирь, описал его берега и составил карту. Татарин выезжал на собаках к северу от Новой Сибири, но, проехав 25 верст, встретил полынью. Отряд Пшеницына вернулся в устье Индигирки. В это же время Санников объехал вокруг острова Фаддеевского и установил, что с его западной стороны расположен не пролив, а залив, названный впоследствии заливом Геденштрома. Фаддеевский же остров соединяется с Котельным низкой песчаной равниной (Земля Бунге). С северного берега Фаддеевского острова Санников заметил дальше на север какую-то землю, поехал к ней, но вскоре полынья также преградила ему дальнейший путь.

В апреле Санников вернулся в Усть-Янск, а в мае снова отправился на оленях в поход на Котельный. За 54 дня Санников обошел вокруг всего острова Котельного, причем с северного берега в северо-западном направлении он якобы видел высокие горы, как он определил «в примерном расстоянии 70 верст».

«Видел» в этом направлении землю и промышленник Бельков. С тех пор пресловутая земля Санникова почти сто тридцать лет занимала воображение путешественников.

Неоднократно предпринимались попытки исследовать эту легендарную землю. Широкому кругу читателей она известна по фантастическому роману «Земля Санникова» академика Обручева, который на протяжении многих лет был уверен в ее существовании. И лишь в последние годы окончательно установлено, что так называемой Земли Санникова не существует.

Мне дважды пришлось бывать в этом районе: один раз на корабле, второй раз на самолете. При отличной видимости никакой земли здесь все же не было обнаружено. За последние годы этот район был обследован более подробно, чем какой-либо другой район северной части Советской Арктики. Результат был тот же самый.

Вернемся к рассказу о Санникове. В этом путешествии на берегах Котельного он обнаружил впервые кости лошадей, буйволов, овец и бычьи головы «в великом множестве». Когда, вернувшись, он рассказал о своих находках, ему не поверили. Лишь позднее геологические изыскания подтвердили достоверность сообщения Санникова о наличии костей животных, необычных для этих островов.

В том же году после возвращения с Новой Сибири Пшеницын в начале мая выехал на остров Фаддеевский, чтобы закончить работу по описи его берегов, начатую Кожевиным. Здесь отряд Пшеницына оказался в очень тяжелом положении: нехватило продовольствия, люди голодали, больше половины собак погибло от голода. Спас же отряд Пшеницына Санников, который, перейдя в октябре через Землю Бунге на остров Фаддеевский, застал Пшеницына с товарищами «в самой крайности».

Возвратившись на Котельный, Пшеницын по описи Санникова составил карту этого острова. 8 ноября все отправились с Котельного на юг. На пути встречался еще тонкий лед и много полыней, но Санников благополучно провел отряд на материк в Усть-Янск. Отсюда основной экспедиционный отряд отправился через Иркутск в Петербург.

Так окончилась первая геодезическая экспедиция на Новосибирские острова. На основании ее работ впервые на карту были нанесены основные острова Новосибирского архипелага. Однако карта, составленная экспеди-

цией Геденштрома, оказалась несовершенной, так как не было произведено точных астрономических определений опорных пунктов. Кроме того, оставался неразрешенным вопрос о земле, которую якобы видел Санников к северу от Новосибирских островов, а также вопрос об островах к востоку от Колымы.

«По высочайшему повелению» Адмиралтейством была снаряжена особая экспедиция из двух отрядов. Одному отряду, под начальством лейтенанта П. Ф. Анжу, было предписано составить точную опись Новосибирских островов и материкового берега между Яной и Индигиркой, а также исследовать земли, «увиденные» Санниковым. Второй отряд, под начальством Ф. П. Врангеля, должен был описать материковый берег к востоку от Колымы и прилегающий к этому берегу район Ледовитого океана. Впоследствии эти два отряда действовали как самостоятельные экспедиции.

Экспедиция Анжу работала с 1821 по 1823 год. Была составлена полная и достоверная карта Новосибирских островов. Анжу неоднократно совершал поездки к северу и северо-западу от островов с целью отыскания этой легендарной земли, но каждый раз путь ему преграждала полынья, отделявшая неподвижный лед от пловучих льдов, или же тонкий лед, недавно образовавшийся на открытом пространстве воды.

Несмотря на прекрасную видимость, Анжу никаких признаков земли не обнаружил. Лишь однажды с северо-западной оконечности острова Фаддеевского он увидел на северо-западе синеву, напоминающую отдаленную землю. Анжу поехал в этом направлении по льду и вскоре убедился, что это была не земля, а колоссальное нагромождение торосов. Им впервые были описаны острова Столбовой, Семеновский, Васильевский и Бельковский. Между Фаддеевским и Котельным был открыт небольшой остров недалеко от берега, названный по имени доктора экспедиции островом Фигурина.

После экспедиции Анжу в продолжение 63 лет никто из исследователей не посетил островов. Сюда лишь ездили на промысел устьянские русские промышленники и якуты.

Во время путешествия по Новосибирским островам и материковому берегу Сибири Геденштром наряду с геодезическими работами попутно ознакомился со строением берегов. Особенно заинтересовало ученых сообщение Ге-

денштрома об окаменевшем льде, располагавшемся под слоем почвы в береговых обрывах между Леной и Индигиркой.

«Свойства земли поблизости Ледовитого моря представляют непостижимую тайну природы, — писал Геденштром. — Крутые берега ручьев и озер на несколько сажен вышины составлены из слоев земли и твердого льда». Существование ископаемых льдов подтверждалось и другим источником. Русский мореплаватель О. Коцебу, посетив в 1816 году во время второго кругосветного плавания на бриге «Рюрик» Аляску, принадлежавшую тогда еще России, также обнаружил ископаемые льды на ее берегах.

На западном берегу острова Новая Сибирь Геденштром обнаружил мощные толщи окаменевших деревьев, которым он дал название Деревянные горы. К сообщениям Геденштрома прибавились сведения о многочисленных находках не только клыков мамонта, но и других частей его скелета и даже целых трупов, обнаруженных в обрывах берегов сибирских рек. Стали известными и найденные Яковом Санниковым кости животных на острове Котельном. Таким образом, накопилось много загадок, на которые необходимо было дать ответ, то есть дать им научное объяснение. За это взялась Российская Академия Наук.

В декабре 1884 года секретарь Академии Наук К. Веселовский в своем отчете на торжественном годовом заседании Академии сообщил: «При обзоре ученых трудов, занимавших наши заседания, первое место принадлежит предприятию, которое, если сбудутся хотя отчасти наши ожидания, составит особую заслугу Академии перед наукою и Россиею: я разумею экспедицию, снабженную для исследования полярных стран Сибири и в особенности островов, известных под названием Новосибирских». Руководителями экспедиции, о которой говорилось на заседании Академии Наук, были доктор А. Бунге и его помощник геолог Э. Толль. Это была первая научно-исследовательская экспедиция на острова.

Весной 1886 года экспедиция прибыла по льду на Большой Ляховский остров, где разделилась на две партии. Бунге вначале поехал на Котельный, а затем возвратился на Большой Ляховский и обследовал его в течение лета. Экспедиция базировалась на южном берегу острова в Малом зимовье, построенном еще Иваном Ляховым.

Объезжая Большой Ляховский остров, Толль обнаружил толщи ископаемого льда, образующие береговые обрывы высотой до 20 метров над уровнем моря. С Большого Ляховского он перешел на остров Котельный, пересек и обследовал обширную песчаную низменность между Котельным и Фаддеевским, назвав ее в честь начальника экспедиции Землей Бунге. В дальнейшем Толль произвел рекогносцировочное геологическое обследование острова Фаддеевского, западного берега острова Новая Сибирь, затем возвратился снова на Котельный для более подробного его исследования.

Находясь на северо-западном берегу Котельного, Толль усмотрел вдали очертания земли. Он записал в дневнике: «Горизонт совершенно ясный. Вскоре после того, как мы снялись с устья реки Могур Ярах, мы в направлении на NO 14—18° ясно увидели контуры четырех гор, которые на востоке соединялись с низменной землей. Таким образом сообщение Санникова подтвердилось полностью. Мы вправе, следовательно, нанести в соответствующем месте на карту пунктирную линию и надписать над ней «Земля Санникова».

Так легенда о Земле Санникова, развеянная Анжу, возникает вновь в еще большем правдоподобии. Все помыслы Толля с тех пор устремились к этой несуществующей земле.

Осенью 1886 года Бунге и Толль благополучно вернулись в селение Казачье на реке Яне, а оттуда в Петербург. Результаты экспедиции превзошли все ожидания: было выяснено в общих чертах геологическое строение Новосибирских островов, собраны и доставлены в Петербург богатейшие коллекции ископаемых растений и животных, обитавших на островах много тысячелетий назад.

В 1889 году губернатор Восточной Сибири Игнатьев сообщил в Академию Наук о том, что в Якутии, около устья реки Санга-Юрах на берегу моря (в 60 километрах от мыса Святой Нос), найден труп мамонта. Решено было организовать экспедицию, которая состоялась только в 1893 году под руководством Толля. К сожалению, на указанном месте оказались лишь остатки трупа мамонта, уже не представлявшие научного интереса.

Закончив геологические исследования в месте залегания трупа мамонта, в начале мая Толль снова отправился на Новосибирские острова, чтобы продолжить изы-

скания по геологии, а также устроить продовольственные склады для экспедиции Нансена на «Фраме». Склады с продовольствием (продовольственные депо) были построены по просьбе Нансена на тот случай, если судно будет раздавлено льдами и путешественникам придется выбираться на сибирский берег. В конце мая партия Толля вернулась на материк.

На заседании Русского географического общества Толль сделал обширный доклад о результатах экспедиции. Доклад закончился словами: «И есть еще много работы русским географам на севере, на сибирском материке и на островах, открытых и еще не открытых, но отчасти виденных издали. При рассказе о виденной мною в 1886 году Санниковой земле на север от острова Котельного мой проводник Джергели, семь раз проводивший лето на островах и видевший несколько лет подряд эту загадочную землю, на вопрос мой «хочешь ли достигнуть этой дальней цели», дал мне следующий ответ: «Раз наступить и умереть».

Толль настолько был уверен в существовании «Земли Санникова», что по внешней форме гор, якобы виденных им в 1886 году, он высказал предположение о сходстве геологического строения этого острова с островом Беннетта.

В 1898 году на заседании Географического общества Толль выступил с проектом экспедиции на Землю Санникова. Свое выступление Толль начал словами:

«В ясные летние дни с северной оконечности острова Котельного, в группе Новосибирских островов, под 76° с. ш., виднеются четыре горы, чуть поднимающиеся над северным горизонтом, — это Земля Санникова, еще не достигнутая никем». Затем Толль раскрыл перед заседанием разработанный им в деталях план научно-исследовательской экспедиции на Землю Санникова и Новосибирские острова.

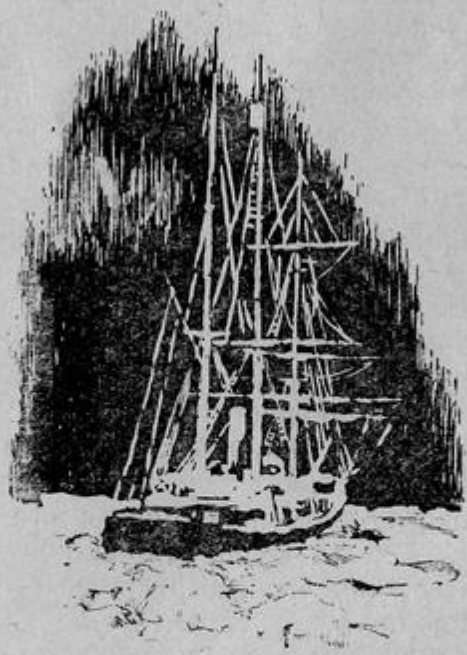
Проектом Толля заинтересовалась Академия Наук. Снаряжалась эта полярная экспедиция под начальством Толля долго и тщательно. Средств на ее организацию не жалели. Для экспедиции было приобретено в Норвегии полярное китобойное судно «Заря». В июне 1900 года «Заря» вышла из Петербурга, обогнула Скандинавию, прошла через Баренцево море, а оттуда через пролив Югорский Шар вошла в Карское море. В тот год в во-

сточной части Карского моря сложились очень тяжелые ледовые условия, и экспедиция вынуждена была зазимовать.

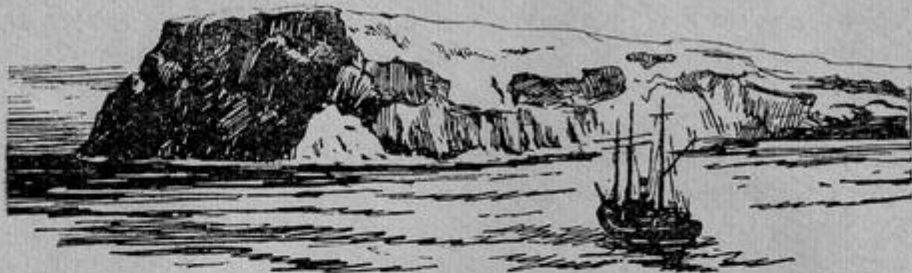
На следующий год «Заря» лишь в последних числах августа освободилась из ледового плена, прошла мимо мыса Челюскина в море Лаптевых и направилась к предполагаемому месту нахождения Земли Санникова. 10 октября «Заря» попала в шторм и при плохой видимости подошла к кромке тяжелых льдов к северу от острова Котельного. В это время года видимость была постоянно плохой, кругом стояли льды, и Толль решил идти к острову Беннетта и зазимовать у его берегов. Но в осеннее время не так легко было отыскать и этот остров. Он появился неожиданно в туманном мраке на горизонте.

«Мы поспешили направить бинокли в указанном направлении, — записал Толль в дневнике, — и заметили тонущую в тумане черную массу и над ней величаво и высоко поднималась отвесная скала мыса Эммы. Земля... Земля... крикнул с капитанского мостика Матисен. В ответ грянуло «ура» команды. Бируля и Зеберг кинулись наверх, полились радостные восклицания. Перед нами выступила огромной высоты скала, увенчанная куполом вечного снега. Теперь становится очевидной возможность десять раз проходить вблизи от Земли Санникова и все-таки не увидеть ее, как не заметили бы мы и острова Беннетта, не будь у него этой величественной скалы. Она возвышалась, как храм художественной архитектуры, над гладкой площадью, расстилавшейся у его ступеней».

Однако подойти к острову Беннетта «Заре» не удалось. Пройдя к северу от Новосибирских островов и дойдя до широты 77°32', «Заря» встретила тяжелые льды, окружав-

«Заря» на зимовке

Остров Беннетта

шие остров, и повернула к Котельному. Земли Санникова нигде не было видно.

У Нерпичьей губы на западном берегу Котельного с корабля увидели постройку, флаг на мысе и людей. Это была вспомогательная экспедиция геолога Воллосовича, который оборудовал на островах Ляховских и Котельном несколько продовольственных депо, доставил экспедиции хороших ездовых собак и наряду с этим произвел крупные геологические исследования. В частности, он пересек остров Котельный, впервые определив геологическое строение его центральных частей.

«Заря» встала на зимовку в лагуне Нерпалах. Здесь экспедиция развернула обширные и разнообразные научно-исследовательские работы.

Когда наступила весна, Матисен с отрядом промышленников посетили Землю Бунге и остров Фаддеевский, где основали продовольственные склады для партии, которая должна была отправляться позднее на остров Новая Сибирь. Другой отряд произвел съемку острова Бельковского; к югу от него был открыт небольшой островок, названный островом Стрижева в честь каюра экспедиции — промышленника П. И. Стрижева. Партия зоолога Бялыницкого-Бирули отправилась на остров Новая Сибирь для наблюдения за жизнью животных.

Толль лихорадочно готовился между тем к походу на остров Беннетта. 5 июня в сопровождении астронома Зеберга, промышленника-якута Горохова и эвенка Протодьяконова Толль отправился на остров Беннетта с целью изучения его географического строения. Кроме того, он предполагал сделать еще раз попытку открыть неизвестную землю. «Заря» должна была летом снять его партию с острова Беннетта. Но на пути к острову сложились

крайне неблагоприятные ледовые условия. Израсходовав в бесплодной борьбе со льдом запасы угля, судно не смогло пробиться на север и ушло в бухту Тикси, где встало на якорь. Вскоре «Зарю» штормом выбросило на мель, и она навсегда закончила свое плавание. В 1940 и 1941 годах мне еще удалось видеть жалкие остатки этого судна у берега бухты Тикси, но уже в 1945 году здесь не сохранилось и этих остатков — их разрушило льдом. Место, где в течение сорока лет лежал разрушаемый льдами и водой корпус, сохранило название «рейда Зари».

Поход партии Бялыницкого-Бирули был более благополучным. Увидев, что остров Новая Сибирь окружают непроходимые льды, участники экспедиции выстроили на западном берегу поварню, дождались, когда льды в море встанут, и в ноябре отправились на собаках в Казачье, а оттуда в Якутск и далее в Петербург. Во время стоянки им удалось собрать интересные сведения. Особенно ценными оказались наблюдения Бялыницкого-Бирули над птицами.

Партия Толля не возвратилась ни зимой, ни весной следующего года.

В 1903 году Академия Наук отправила на поиски пропавших путешественников две партии. Одна из них, объездив в течение весны и лета берега северных островов, никаких следов возвращения Толля с острова Беннетта не обнаружила. Вторая партия весной доставила по льду на собаках к мысу Медвежьему острова Котельного тяжелый вельбот с «Зари». 31 июня эта партия отправилась по воде между льдами к острову Беннетта курсом через пролив Благовещенский и 17 августа высадилась на узкий песчаный берег острова Беннетта.

Здесь были найдены, наконец, следы стоянки Толля. При дальнейших поисках обнаружили выстроенную из плавника хижину, до половины забитую смерзшимся снегом. Вместе с оставленными инструментами и вещами нашли парусиновый ящик, в котором находилось донесение Толля на имя президента Академии Наук. В этом донесении Толль сообщал о благополучной высадке на остров и приводил краткие сведения о природе острова.

Последние слова донесения гласили: «Отправляемся сегодня на юг. Провизии имеем на 14—20 дней. Все здоровы. 76°38' с. ш., 149°42' в. д. Толль. Губа Павла Кеплена острова Беннетта 26/X — 8/XI 1902 г.».

Академия Наук назначила премию за отыскание партии Толля, но дальнейшие поиски не дали никаких результатов. Остается предположить, что Толль и все его спутники утонули в море при переходе среди льдов в столь позднее и опасное время года.

Так погиб Э. В. Толль, отыскивая землю, показавшуюся ему в 1886 году в туманной дымке дали.

Геологические коллекции, собранные Толлем на острове Беннетта, были вывезены оттуда экспедицией на «Таймыре» и «Вайгаче» в 1913 году.

Полярная экспедиция Толля дала ценный научный материал о природе Новосибирских островов, о морских льдах вокруг островов и режиме вод, омывающих их берега.

Как я уже упоминал, исследования последних лет с полной достоверностью установили, что «Земли Санникова» не существует. Недавно была высказана мысль, что «Земля Санникова» все же существовала, но она исчезла с лица земли, растаяла, как растаяли на нашей памяти острова Васильевский и Семеновский, а в XVIII веке — остров Святого Диомида в проливе Дмитрия Лаптева. Ископаемый лед, из которого были сложены исчезнувшие острова, в теплые летние дни под разрушающим действием морских волн растаял, а тонкий слой отложений песка и глины, покрывавший лед сверху, осел на морское дно, образовав отмели. Мысль о возможности существования в прошлом земли к северо-западу от Котельного не лишена поэтому основания.

Но Санников, а за ним Толль якобы видели не низкий песчаный остров, а обширный остров с четырьмя горными вершинами. Такая земля, разумеется, не могла растаять за пятьдесят лет. Вероятно, Толль принял за гористый остров мощные нагромождения льда, приподнятые над горизонтом рефракцией, так же как принял их вначале за землю исследователь Анжу, который, подойдя ближе, сумел, однако, убедиться в своей ошибке.

На много миль к северу от Новосибирских островов простирается мелководье, среди которого немало и совсем мелких мест. Торосистые, мощные льды, находящиеся в этом районе в непрерывном движении, садятся на мели, и вокруг них образуются целые острова. Самолеты ледовой разведки часто наблюдают в этом районе такие острова. Гидролог Д. В. Карелин, например, пролетая здесь на самолете в марте 1946 года, отметил в своем дневнике:

«В поисках границы старых льдов мы поднялись к северу до широты 80°30'. На широте 78° с минутами меня поразили исключительно своеобразные ледяные островки — овальные, сильно восторошенные пятна, как будто лед громоздился на отмелях местах. Не следы ли это «Земли Санникова» или каких-либо других отмелей, не показанных на карте?».

Помимо всего, арктические дали в светлое время года зачастую обманчивы. Ведь сколько путешественников «видели» несуществующие земли в разных частях Арктики и даже наносили их на карты. Кроме огромных нагромождений льда — целых ледяных островов, часто в заблуждение вводят устойчивые туманы над полыньями среди дрейфующих льдов. Я как-то прочитал в статье начальника полярной станции острова Генриетты Л. Муханова, что им «в северо-восточном направлении в тихое прозрачное утро в 120—150 километрах было замечено и впоследствии зарисовано в вахтенный журнал очертание земли, не известной ни одной лоции мира». Л. И. Леонов, зимовавший на острове Генриетты вместе с Мухановым, подтвердил, что такие контуры он также часто наблюдал в различных направлениях, но, по его мнению, это были не земли, а устойчивые туманы над полыньями.

Однажды и мне пришлось стать на мгновение такой же жертвой оптического обмана в Арктике. Случилось это так.

В июне 1947 года мы летели на самолете над центральной частью моря Лаптевых с юга на север, производя ледовую разведку. Сидя в хвостовой кабине, я и мой спутник увлеклись наблюдением за стадом белух, плывших в голубовато-зеленой воде свободного от льда участка моря. Вдруг из штурманской кабины нам крикнули: «Слева неизвестная земля».

Посмотрев в указанном направлении, мы действительно увидели в голубовато-фиолетовой дымке темные контуры трех вершин большой земли. Не сообразив даже сразу, в чем дело, я подумал: «Откуда здесь земля? Ведь это самая исследованная часть моря. Никакой земли здесь не должно быть». Но вскоре мы заметили, что темные контуры «земли» медленно изменяются. Это были низкие слоистые облака, края которых принимали причудливые очертания, а из-за дымки не было видно линии горизонта, разделяющей облака и море.

Итак, мы направлялись в пролив Санникова, где нам предстояла большая работа.

Пролив встретил нас бурной погодой. Сильный ветер поднял большую волну и мешал нормальному ходу. Нос судна взлетал на гребни волн и медленно падал вниз. Волны, ударяясь о форштевень, разбивались огромными столбами брызг, которые, долетая до мостика, больно били по лицу. Через несколько часов нам открылись горы острова Котельного.

Ближе к мысу Медвежьему встретила полоса льдов, гонимых северным ветром к югу. Вошли в лед, качка прекратилась. Наша шхуна с трудом раздвигала большие, сильно изъеденные таянием, но еще прочные льдины. Первое живое существо, встретившее здесь нас, был белый медведь. Сидя на льдине, он равнодушно наблюдал за приближением судна. А когда мы подошли вплотную, он спокойно отошел в сторону, как бы нехотя уступая дорогу, и пошел прочь, лениво переваливаясь и не удостоивая нас даже взглядом. Меня заинтересовала судьба медведя: куда же он направился? Ведь льды должны растаять, — куда он денется в открытом море? Леонов сказал мне, что медведь, по всей вероятности, выплывет на какой-либо остров. Переплыть же двадцать-тридцать миль ему ничего не стоит.

В Карском море в дальнейшем мне пришлось наблюдать, как медведи переплывали чистой водой с одного острова на другой через проливы шириной до 20 миль.

Наконец, льды пройдены. Вдоль берега по обе стороны от мыса — чистая вода. Но ветер разыгрался не на шутку. Мощным обвалом скатывается он вниз с возвышенностей острова. У берега кипит полоса белой пены от морского прибоя. Высадка на берег невозможна.

24 августа в полдень мы отдали якорь в одной миле от берега, к западу от мыса Медвежьего, против устья реки Большой Эбелях. Здесь мы решили ждать, пока

немного стихнет ветер, чтобы поехать на берег и выбрать место для строительства зимовки. Капитан не рисковал при такой погоде отпустить катер на берег.

Ветер свирепствовал более суток. Выйдешь на палубу, кругом все гудит, свистит, ревет, все смешалось, точно в гигантском котле. Кажется, что порыв ветра вот-вот подхватит и бросит тебя в кипящие волны. Вода стала коричнево-желтой, ветер перемешал, перемутил и даже поднял со дна рыхлые наносы острова. Но в каюте тепло и светло, и после напряженного труда здесь каждому приятно отдохнуть.

Леонид Иванович Леонов большую часть времени проводил в радиорубке. Радиист передавал его телеграммы с запросами, попутно перехватывая сообщения со всех судов, плавающих в море Лаптевых.

— Повидимому, сейчас нам удастся сделать только рекогносцировку на берегу, — сообщил нам однажды Леонид Иванович, спустившись из радиорубки. Работать в проливе не удастся — необходимо сразу же идти в Тикси. Какой-то грузовой пароход уже привез туда наш дом со всем строительным материалом. А людей, чтобы принять все это и рассортировать, в Тикси нехватает.

26 августа ветер упал до 5 баллов, ветровое волнение ослабло, но осталась сильная зыбь. Решили выехать на берег — ждать более благоприятных условий было рискованно. Ветер мог изменить направление, и тогда даже при небольшой его силе будет трудно высадиться на берег из-за наката.

Собрали небольшое совещание, Леонов изложил наши задачи.

— Мы должны, — начал он, как всегда медленно выговаривая слова и посасывая трубку, — найти место, подходящее для строительства дома, которое должно удовлетворять таким условиям: во-первых, хороший грунт и достаточно большая ровная площадка для дома, бани, метеоплощадки, радиомачт; во-вторых, наличие поблизости пресной воды и, в-третьих, быть удобным для выгрузки грузов с моря. Необходимо тщательно обследовать места по обе стороны от мыса Медвежьего. Выяснить, нет ли там каких-либо уже готовых строений, которые могут быть использованы для наших нужд. Здесь должны быть промышленники, надо найти их и установить с ними связь. Они могут оказать нам большую помощь.

— Высадившись на берег, — продолжал он после некоторого молчания, — разобьемся на три партии: одна партия пойдет в северо-западном направлении до стана Михайлова — это километра два-три, и выяснит, в каком состоянии находится эта ураса¹, живет ли там кто-нибудь и есть ли место для строительства. Два человека пойдут на восток через мыс Медвежий и дальше обследуют лагуны рек Большой и Малой Захарки. Желательно дойти до стана Елисей и выяснить, живут ли там промышленники, есть ли у них собаки, чем они их кормят и каков берег в том районе. Расстояние порядочное — километра три-четыре до мыса и километров двенадцать до стана.

На себя Леонов брал обследование берега в районе мыса.

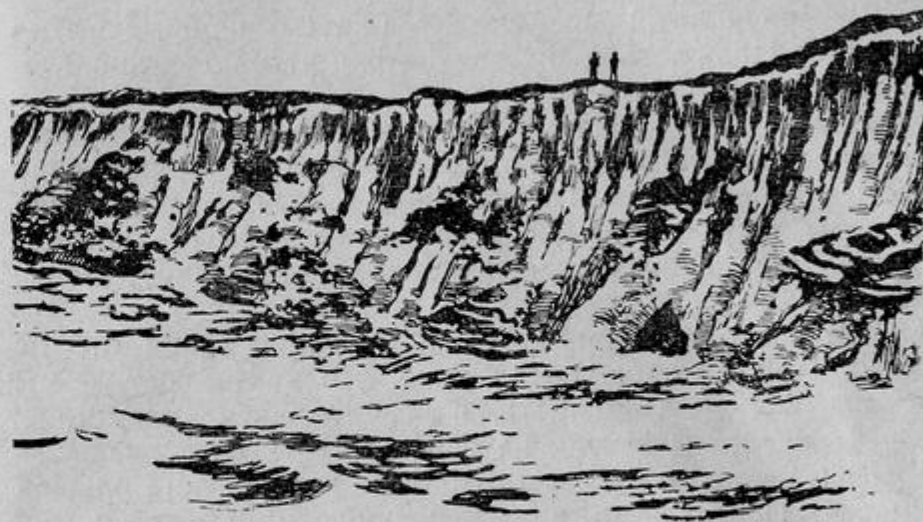
Совещание закончилось, и мы отправились на моторном катере к берегу, захватив с собой карты острова, охотничьи ружья и винтовки.

Катер бросало, как щепку. Волны ударялись о борт, окатывали нас брызгами, но мы предусмотрительно надели брезентовые плащи. Высадились благополучно.

Вместе с еще одним участником экспедиции я получил задание следовать на восток, до промыслового стана Елисей. Погода была скверная — морось, густой туман. Под ногами — вязкая, глинистая почва. Кое-где островками пробивалась зеленая травка и редкие желтые цветы полярного мака. Чем ближе к мысу, тем берег поднимался все выше и выше, обрываясь в море высокой отвесной стеной. По пути нам встретились глубокие овраги, по дну которых бежали небольшие ручейки. Вязкий грунт на склонах оврагов сползал вниз по крутым склонам, и местами виднелся обнаженный ископаемый лед, на несколько сантиметров покрытый глинистым грунтом. Как только грунт оттаивает, под влиянием силы тяжести он начинает сползать вниз по скользкой поверхности ископаемого льда. Попытался было подняться по такому обнаженному льду, но едва ступил на него, как мои ноги заскользили, и я на четвереньках съехал в жидкую грязь.

В разных местах попадались нам рога диких оленей. Над головой с криком носились чайки, в море за линией

¹ Ураса — временное жилище якутских промышленников конусообразной формы, построенное из плавникового леса, жердей и палок. Вдоль береговой черты Новосибирских островов урасы встречаются через двадцать-двадцать пять километров.

Ископаемый лед

прибоя купались гаги. Но вот мы пересекли мыс, и высокий обрывистый берег сменился пологим, слегка заболоченным; линию прибоя ограничивали огромные кучи окатанной гальки.

Береговая линия шла в северо-восточном направлении. Волны с белыми гребнями катились к берегу непрерывными валами и с грохотом разбивались, не доходя до берега. Мелкое дно замедляло их движение. Вода далеко вползала на берег, шурша галькой, и быстро откатывалась назад. Без конца бурлило разбушевавшееся море, гремела неумолкающая песнь прибоя.

Итти становилось все тяжелее. У моего спутника заболела правая нога, он начал отставать.

Не доходя до речки Большая Захарка, на низком заболоченном месте увидели урасу. Подошли ближе. У самой двери, обращенной в сторону моря, проскочила пестрая мышь — лемминг.

Мой спутник открыл дверь и с трудом вошел внутрь. Тяжело одетый, он едва протиснулся в узкую дверь, а когда я влез вслед за ним, то вся ураса оказалась занятой нами до такой степени, что едва можно было повернуться. Вдоль стен из бревен плавника почти вровень с полом были устроены нары на двух человек.

Вышли из урасы и двинулись дальше. Когда по пути встречались речки, мы переходили их вброд, так как были обуты в высокие кожаные болотные сапоги.

Вскоре пологий берег сменился крутыми, обрывистыми скалами. Пришлось подняться вверх и идти по вязкой, глинистой почве тундры.

Иногда перед нашими глазами появлялись огромные стены ископаемого льда, которые спускались в море словно застывшие водопады. Там, где обрывистый берег отступил от воды, образовались конусообразные холмы — байджарахи. Здесь происходило наиболее интенсивное таяние льда.

Мы проходили один мыс за другим, а стана все не было. Мой спутник уверял меня, что карта врет, и мы прошли уже не двенадцать, а все двадцать километров.

Наконец, мы вышли на берег лагуны, соединявшейся с морем широким рукавом. Это было устье реки Большой Елисей. Перед нами на противоположном берегу, на склоне прилепился домик, обложенный землей, с плоской крышей и одним маленьким окном. Там же на берегу мы увидели лодку. Но как перебраться на противоположный берег? Итти в обход лагуны по тундре? Неизвестно, как далеко пришлось бы итти.

Выбрав, как мне казалось, наиболее подходящее место, я пошел вброд. Место оказалось довольно глубоким, вода была выше сапог. Ноги обожгло холодом. Я сделал шаг и увяз в мягком дне. В этот момент налетевший вал прибоя сбил меня с ног. Я едва выдернул ноги и в плыв начал выбираться на противоположный берег. Столкнуть маленькую лодчонку-ветку в воду было делом одной минуты. Я толкнул ее к противоположному берегу, и мой спутник благополучно переехал. Мы вытянули ветку на берег и направились к домику. Залаяли собаки. В окне показалось чье-то лицо. Было три часа утра. Отбиваясь от собак, мы вошли в тамбур домика, а оттуда через узкую низкую дверь — в избушку. Прямо у двери на краю низкого топчана сидел старик с редкой бородкой и с удивлением смотрел на нас.

— Здравствуй, хозяин, — сказал я, — принимай гостей непрошенных. Извини уж, что явились не во-время и разбудили вас.

Вместо старика из-за его спины ответил бойкий женский голос на русском языке с характерным сибирским говорком:

— Ничего, ничего, здесь так редко бывают люди, что всегда рады им; проходите, присаживайтесь.

Я сел на лавку и стал снимать сапоги, из которых полилась вода. Увидев, что я весь мокрый, старик затопил железную печку, расположенную в центре избы. Я подвинул ближе к печке небольшую скамейку и сел, чтобы немного обсохнуть.

Мы начали задавать вопросы.

— А откуда вы сами?

— Якутские, — ответил старик, — по договору приехали.

— По договору, — продолжила женщина. — Мой старик на три года заключил договор. Детей вон привезли.

У противоположной стены на кровати из-под одеяла выглядывали любопытные лица двух девочек. Одной девочке было лет пятнадцать, а второй лет десять.

Старик что-то сказал своей жене по-якутски.

— А вы кто же, якутка или русская? — спросил я у нее.

— У меня мать русская, — ответила женщина.

Маленькая, худенькая она относилась к типу женщин, возраст которых трудно определить.

Она бойко продолжала:

— Старик вот у меня беспутный — все шатается по островам. Всю жизнь на промыслах. А я с детьми жила всегда в Якутске. Скучно ему стало без нас — вот и потащил за собой.

Хозяйка вскипятила чай и поставила его на стол.

— Вот на якутских лепешках сидим, — смущенно оправдывалась она, подавая на стол блюдо лепешек. — Русская печь была здесь, да развалилась.

Мы с удовольствием выпили по кружке горячего чаю и отдали должное лепешкам. Выяснив все, что нам было необходимо, и обсохнув, мы простились с гостеприимными хозяевами, договорившись с ними о встрече зимой, и пустились в обратный путь.

Старик перевез нас на другой берег лагуны.

На обратном пути мы встречали много полярных сов, сидящих на кочках. Часто у ног пробегали лемминги.

На берег, где стояла наша шхуна, вернулись в девять часов утра. Здесь уже был разведен костер, и нас накормили жареными гусями: это наши охотники настреляли их в верховьях лагуны.

Обследовав детально берег и выгрузив часть зимовочного груза, мы снялись с якоря и пошли на юг в Тикси.

Ночей на Котельном еще не было — в полуночные часы наступали лишь слабые сумерки. А в Тикси, где мы на своем катере снова оказались через двое суток, 29 августа ночь уже была темной.

Бухта была очень оживленной. На рейде, ближе к острову Бруснева, яркими огнями сияли большие пароходы, пришедшие сюда с запада и востока. Поселок также светился электрическими огнями, отражавшимися в темных водах залива, а вдали темнели громады гор, и над всем этим раскинулось темное северное небо.

Суда, стоявшие на рейде, встретили нас приветственными гудками.

— Ого-го, вот это гудит! — воскликнул один из матросов, услышав гудок огромного океанского лесовоза. ... Прошло сравнительно мало времени с момента нашего выхода отсюда — меньше месяца. Но на севере счет времени иной. За этот срок здесь прошли два сезона — весна и лето и наступила осень. Горы за время нашего отсутствия порыжели, и лишь там, где недавно стоял снег, зеленела еще свежая травка.

День встретил нас бледным, осенним солнцем. Под его лучами склоны гор отливали красками мягких тонов — от золотистых до светлозеленых. Легкий ветерок приносил с суши аромат земли. Его особенно остро чувствуешь после дней, проведенных в море.

Пароходы с основным зимовочным грузом нашей экспедиции начали прибывать в Тикси только в середине сентября. Когда пришел «Сталинград», доставивший сотрудников экспедиции — завхоза, повара и метеоролога, а также наш основной груз, его окружили баржи. Началась сортировка и перегрузка. До конца навигации оставались считанные дни, а сотни тонн груза необходимо было успеть на разных судах развезти в различные пункты моря Лаптевых: на промыслово-охотничьи и полярные станции, на базы экспедиции. Наше имущество перегрузили на лихтер «Тиксинец», который должен был пойти на буксире у парохода «Якутия» на Котельный. На нем же направлялся груз для Ляховской промыслово-охотничьей станции.

Тем временем пейзаж в Тикси становился все более и более зимним. Ночи длинные, горы одеты снеговым покровом, ярче играет на небе полярное сияние. Лужи на берегу и вода на палубе ночью уже замерзают.

Кутру 22 сентября погрузку на лихтер закончили. В последние ночи почти никто не спал: нужно было следить за погрузкой, получать и разыскивать на берегу грузы, попавшие в спешке в грузы порта, собирать из разных мест собак и следить за ними на палубе лихтера. Очень много хлопот было с этими беспокойными существами, сведенными вместе на нескольких квадратных метрах палубы. Не успеешь оглянуться, как та или другая из них перегрызает привязь, и моментально на палубе образуется клубок из собачьих тел. Визг, лай, летят клочья шерсти, и только меткие пинки нашего опытного каюра на время восстанавливают мир.

Вышли в море. Поверхность воды свинцово-серая. Легкий морозец и легкая зыбь.

По радио слушали: «в Сочи стоит теплая летняя погода, виноградный сезон в разгаре, на черноморских пляжах тысячи отдыхающих». И сообщения с полярных станций: «В Котельном температура воды резко падает — уже один-три градуса, температура воздуха минус восемь». Из сводки, переданной с борта гидрографического судна «Ост», мы узнали, что началось замерзание и в проливе Санникова.

Эти сводки внушили нам беспокойство за судьбу экспедиции. Когда в море начинает образовываться лед, успех дела решают часы. Уже было ясно, что нам не удастся высадиться на мысе Медвежий. Но неужели придется возвращаться в Тикси?

Ждали с часу на час распоряжений руководства попытаться идти к мысу Медвежий и там выгрузиться или повернуть на Большой Ляховский — спустить грузы для полярных и промыслово-охотничьей станций.

И то и другое выполнить в это позднее время сложно. Море может замерзнуть со дня на день, а судам надо возвращаться в Тикси на зимовку. В Шалаурове же нет продуктов, а ведь там после зимы осели шестьдесят промышленников, которые перешли на иждивение полярной станции.

Привожу несколько строк из моего дневника.

23 сентября. Получили распоряжение штаба проводки вместо мыса Медвежьего идти к полярной станции Шалаурово. Изменили курс, идем попутным ветром к проливу Дмитрия Лаптева. Виден полуостров Кигилях, покрытый снегом. Неуютными выглядят эти берега, белеющие сквозь седые клочья облаков. В четвертый раз за навигацию я вижу эти берега. Но раньше на них не было снега, и поэтому сейчас все кажется иным. В мрачных тонах стали обсуждать различные варианты возвращения в Тикси и в Ленинград. Однако всё еще не теряли надежды — высадиться на мысе Медвежьем или в другом каком-либо пункте этого района. Решили выгружать в первую очередь продовольствие, приборы и оборудование. Выгружать строительные материалы для дома будем в последнюю очередь. Если не успеем, будем жить в палатках.

24 сентября. Вечером в темноте вошли в молодой лед. Впереди огни полярной станции Шалаурово. Слышен шорох и скрежет льда, ломающегося о борт судна. Встали на якорь, ждем рассвета. Температура воздуха 5 градусов ниже нуля. Брызги воды на палубе моментально превращаются в льдинки.

25 сентября. Утром перед нашими взорами открылась безрадостная картина — дрейфующий лед до самого берега. Выгрузка невозможна. Катеры и кунгасы не могут ходить с грузом среди такого льда. Повернули обратно.

С полярной станции Кигилях сообщили, что выгрузить продовольствие для станций мы можем у западного берега полуострова.

26 сентября. Подошли к берегу. Морозно. На поверхности воды иглы льда. Отдали якоря, спустили катеры и кунгасы. Началась спешная выгрузка.

— Что же будем делать дальше? Запрашивать директора Арктического института о возвращении домой, в Ленинград? — задал всем нам вопрос начальник.

— А что если высадиться здесь и зимой на собаках добраться до северного берега Малого Ляховского. Это хоть и не мыс Медвежий, но зимой можно перебазироваться к проливу Санникова, — сказал я. — Обидно ведь возвращаться не солоно хлебавши.

Лицо Леонова просветлело.

— Правильно. Я уже думал об этом. Но предупреждаю, что будет очень много трудностей и лишений.

Поэтому каждый, кто сейчас остается, должен быть готов к ним. Телеграмма директору Института о сложившейся ситуации послана. Но если будет общее согласие остаться независимо от ответа, начнем выгрузку наших грузов здесь. Кто чувствует, что ему будет тяжело, может возвращаться в Тикси, а оттуда самолетом доставят в Москву.

Остаться пожелали все.

К вечеру 28 сентября все было выгружено. На берегу за линией прибоя в беспорядке свалены доски, кирпич, мешки с мукой, рогожные кули с опилками, ящики всевозможных размеров с приборами и продовольствием. Все это надо было рассортировать, просмотреть и подготовить к надежному хранению.

В последний раз подошли на катере к борту «Якутии» с шлюпками на буксире, погрузили личные вещи и точные приборы, хранившиеся в наших каютах. Выслушали последние пожелания и на шлюпках возвратились на берег. Теперь возврата нет до будущей навигации.

Пароход с пустым лихтером на буксире развернулся и пошел на юг — в Тикси. Протяжный прощальный гудок прозвучал над морем, и скалы острова несколько раз повторили его. Стало немного грустно.

Но долго грустить не пришлось. Над головой открытое небо. Начали устанавливать палатки — наши временные жилища. Уже темнело; в мутных сумерках на южной стороне горизонта, постепенно уменьшаясь в размерах, неясно вырисовывались силуэты уходящих судов. Вскоре осталась видна только полоска дыма.

Установив в палатке печку, Леонов сказал:

— Теперь все зависит от нас, от нашей выносливости и выносливости собак.

— Между прочим, — продолжал он, — в последний момент я получил телеграмму от начальства с указанием возвращаться в Ленинград. Но я ответил, что мы уже высадились и программу зимних работ в проливе Санникова выполним.

Пожелание успешной работы в ответ на эту телеграмму Леонова мы получили через несколько дней, когда заработала наша рация.

Установив палатки, мы залезли в спальные мешки и, уставшие от напряженного труда последних суток, немедленно заснули, как убитые.

Все последующие дни мы «обживали» наш берег.

Прежде всего была установлена большая палатка для столовой, оборудована в ней железная печь, устроена кухня, и наш повар уже мог приступить к исполнению своих обязанностей. Он был освобожден от всякой другой работы, но его труд был не менее напряженным, чем наш, — три раза в день накормить десять дюжих молодцов, работающих на свежем воздухе, — дело не легкое.

Каюр же занимался главным образом своим «собачьим хозяйством»: кормил собак, разнимал их при драках и готовил упряжь.

Из шпунтовых досок, которых у нас было много, решили построить дом с теплоизоляционной прокладкой стен, используя для этой цели опилки. На склоне горы выбрали площадку для дома, выровняли ее, расчистили и приступили к постройке.

День наш складывался примерно так: вставали в 7 часов, немедленно завтракали, в 8 часов уже все на работе. В 13 часов — час обеда — раздавались звуки импровизированного гонга. Это повар колотил палкой по пустой железной бочке.

Быстро покончив с обедом, располагались тут же — кто с трубкой, кто с папироской в зубах — на отдых. Был заведен строгий порядок: в верхней одежде в палатку-столовую никто не имел права входить — наш повар строго следил за чистотой.

Непродолжительный отдых, затем снова за работу.

Ежедневно один гидролог выделялся на вахту для регулярных наблюдений над уровнем моря и записей о процессе замерзания моря.

Дули легкие ветры с берега, и лед, образовавшийся раньше, унесло в открытое море. Верхний слой воды заполнялся ледяными кристалликами, поэтому вода казалась густой, и легкий ветерок не вызывал на ее поверхности даже ряби.

...Морозная тихая погода. На северной половине горизонта против заходящего солнца на лазурно-голубом небе возникает бледнозеленая гигантская радуга. Не успеет зайти солнце, как по небу потянутся с востока на запад голубовато-зеленоватые полосы полярного сияния. Вначале они мерцают спокойно, но затем разгораются все ярче и ярче и начинают свою волшебную игру. Одни, бледнея, уходят к горизонту, другие, изгибаясь, образуют

причудливую цветную ткань. На изгибах вспыхивают разноцветные, как в фейерверке, огни и движутся, меняя переливы красок. Сквозь пылающую цветную ткань просвечивают звезды. А вокруг все торжественно безмолвно.

Постепенно эта симфония красок на небе замирает. Но вдруг снова небо загорается холодной игрой красок...

«Какое искусство может во всей полноте передать эту игру природы?» — часто думал я, наблюдая за полярным сиянием.

Дом наш рос не по дням, а по часам. За неделю поставили стены, настлали пол и потолок. Научные работники оказались совсем неплохими плотниками. И как только навесили двери, все перебрались сюда из палаток.

Этот дом представляется нам очень уютным. После трудового дня, по вечерам мы с удовольствием там отдыхаем, читаем книги, а рьяные шахматисты, разыскав в грузах шахматы, уже успели организовать турнир на звание местного чемпиона.

Кладка печи и плиты разрушила наш уют. Запах кирпича и глины уничтожил аромат свежих стружек. На полу грязь от глины и осколков кирпича.

Наш начальник, он же и главный печник, объявил однажды за ужином, что завтра будет первый пробный пуск дыма.

— Через трубу или через дверь? — невинным голосом спросил кто-то из нас.

— Обязательно через трубу — невозмутимо ответил Леонов.

Торжественный «пуск дыма» состоялся на другой день.

— Кок, запускай свою машину, — крикнули повару после окончательных приготовлений.

Вначале трудно было что-нибудь понять. От печки шел густой пар. Но вот в топке ласково зажурчал огонь, — дым в комнату не шел. Еще не доверяя гордо улыбавшимся печникам, мы вышли на улицу и осмотрели, идет ли дым из трубы. Кто-то даже залез на крышу, пытаясь выяснить, не проходит ли дым помимо трубы.

Дружно принялись за уборку. Не только пол, но и внутренние стены были тщательно вымыты. Вымылись в бане, устроенной в одной из палаток, сделали кровати, наглухо прикрепив их к стенкам, и большие полки для нашей библиотеки. Теперь можно было быстро найти любую книгу. Дом приобрел вполне жилой вид.

Наконец, в ночь с 8 на 9 октября сильным северо-западным ветром пригнало льды, и море, так упорно сопротивлявшееся, встало. Еще накануне о берег бились волны, а утром 9 октября уже до самого горизонта белели покрытые снегом льды. Ледяные поля с небольшими торо-сами по краям, битый лед, еще не спаянный, и лишь кое-где изредка пятна чистой воды. Но и они быстро затяну-лись молодым льдом. Все запорошило снегом, и перед на-шими взорами теперь расстилалась сплошная снежная равнина, сливавшаяся на горизонте с небом.

В журнале ледовых наблюдений записали: «Устано-вился припай 10 баллов».

19 октября заработала наша радиостанция.

С жадностью слушая с Большой земли последние известия, каждый из нас с великой благодарностью вспо-минал имя Попова, подарившего миру великое от-крытие.

Мысли убегают в далекое прошлое. Сколько экспеди-ций прежде в этих краях на многие месяцы были оторваны от всего мира, годами не имея вестей от родных.

А там, на родине, их судьба была постоянно покрыта тревожной тайной. Сколько замечательных жизней могло бы сохранить радио в те времена!

Прошел месяц нашего пребывания на берегу. За это время мы успели полностью здесь обосноваться. Построи-ли и оборудовали дом. Перетащили под крышу выстроен-ного склада все сто сорок тонн грузов, подняв их из-под обрыва на крутой склон.

Жизнь потекла по нормальному руслу. Регулярно ве-лись все виды научных наблюдений. Все стало спокойнее. Огромная работа, сделанная за месяц, укрепила нашу веру в свои силы. Наш маленький коллектив убедился, что может преодолевать любые трудности.

Обсудив план нашего продвижения к проливу Санни-кова, мы уже начали готовиться к рекогносцировочному маршруту.

5 ноября Леонов вместе с каюром отправились на упряжке из двенадцати собак к проливу Санникова. Вы-яснив, можно ли передвигаться по льду, они должны были проложить первый маршрут и выбрать место для органи-зации базы на берегу пролива.

Нетрудно себе представить, как волновались мы за судьбу товарищей.

В ПОЛЯРНУЮ НОЧЬ

9 ноября солнце надолго скрылось за горизонтом. Теперь мы увидим его снова только в первых числах февраля.

Наступила полярная ночь. Но пока еще бывает достаточно свет-ло в течение четырех-пяти часов в сутки. В полдень на юге пылают зори. Солнце как будто крадется за горизонтом. В полярные су-

мерки небо расцветивается изумительно красивыми кра-сками. Розовая кайма на юге незаметно переходит в фио-летовые тона, выше приобретает нежно-голубой оттенок, а северная половина неба яркосиняя.

Солнца нет, но зато луна светит круглые сутки над горизонтом. Лунные ночи здесь сказочно красивы. Над снежными просторами разливается призрачный свет. Воздух тих и прозрачен.

12 и 13 ноября разразилась первая метель. Она намела огромные сугробы снега, собрав его с ровного льда и воз-вышенных участков суши. В эти дни мы особенно волно-вались за судьбу наших товарищей, уехавших к проливу Санникова, пытались представить себе, где они могут укрыться от непогоды.

Двое суток свирепствовал ветер, но вдруг как-то вне-запно стих. Снова наступила тихая, ясная, морозная погода.

14 ноября начальник и каюр возвратились из раз-ведки. Вот что Леонов рассказал нам о своем путе-шестве.

«Дорога по льду до Малого Ляховского острова ока-залась хорошей. Лед вдоль самого берега ровный. На се-верном берегу острова подыскали место для базы. Там имеется небольшая промысловая ураса. Она расположена вблизи устья небольшой речки, которую промышленники называют Отобой. Пытались проехать к мысу Медвежь-ему через пролив Санникова, но в шести километрах от берега встретили огромную гряду торосов. Толщина льдин в торосах — около шестидесяти сантиметров. При-

мерно такой же толщины оказался ровный, невзломанный лед, измеренный в проруби ледемерной рейкой. Эта гряда образовалась в последние дни под силой северо-восточного ветра. Она простирается параллельно берегу и достигает высоты пятнадцати метров над ровной поверхностью льда. Очевидно, в этом месте лед сидит на мели. Нагромождения льдов послужили барьером, предохранившим путников от натиска все разрушающего ветра.

На запад и юго-запад от пролива Санникова хорошо видно водяное небо¹. Повидимому, среди льда имеются большие разводья чистой воды.

Надо было готовиться к следующему, более основательному рейсу, чтобы перенести место наших основных наблюдений к проливу Санникова. В первую очередь наметили отправить туда метеоролога со всем оборудованием метеорологической площадки и радиста с радиостанцией. Они должны начать регулярные метеонаблюдения и передавать данные в бюро погоды.

После непривычно длительного путешествия собаки отошали, поубавили свою резвость и в первое время по возвращении даже плохо ели. Севка — самый резвый и ласковый пес — заболел, забился в угол, ничего не ел и дрожал всем телом. Его перенесли в дом. К утру у него отнялись ноги, и в сильных судорогах пес издох.

Это событие напугало нас не на шутку. Если это какое-нибудь инфекционное заболевание, мы можем потерять многих собак, а ведь собаки — основной наш транспорт, от их состояния зависит успех нашей работы.

Опасения наши, к счастью, не оправдались. В последующие дни все псы снова приобрели бодрый вид».

В ночь с 21 на 22 ноября начальник, каюр, радист и метеоролог отправились во второй маршрут. Сердечно простились с ними. Радист и метеоролог уезжали из теплого, обжитого дома до будущего лета. Мы знали, что им предстоят большие трудности, но каждый из нас в душе жалел, что не он первый начнет работы в проливе Санникова.

¹ Чистая вода среди льдов дает темное или синеватое отражение в воздухе, отличающееся от белесого ледяного отсвечивания. Такое отражение чистой воды в воздухе — водяное небо — помогает выбрать курс во время плавания среди льдов.

Леонов сказал нам как-то вечером:

«Будет трудно, но вместе с тем мы можем гордиться, что испытаем все, что испытали многие путешественники в санных полярных экспедициях».

Собаки рванулись с места и быстро перешли на легкую рысь. «Скоро они поубавят спеси», — сказал кто-то из провожавших. И в самом деле, на каждую собаку в упряжке приходилось более сорока килограммов груза, а это немалая нагрузка. Норма на сибирских почтовых трактах — двадцать пять килограммов на собаку.

Каюр и Леонов бежали рядом с нарткой, управляя собаками, а радист и метеоролог шли пешком по следу нарт. Оставшиеся мысленно следили за их продвижением. Мороз был порядочный, с легким ветром, но ветер усиливался. Трудновато им придется в этой поездке!

Вечером 23 ноября вахтенный гидролог, возвратясь с наблюдений, заявил, что на небе малиновое сияние. Мы высыпали на улицу. Я впервые увидел такую картину: сильный мороз с ледящим ветром, а на небе — настоящая буря. Огромные спиральные вихри возникали вверху и моментально исчезали. В вихрях преобладал яркочерный цвет, от которого даже снег и наше жилище казались малиновыми.

24 ноября вечером к нашему дому подкатила собачья упряжка. С пустой нарткой легко соскочил человек в малиновом и оленьих торбазах. Это был среднего роста мужчина с худым лицом.

— Я промышленник Серкин с Хаастыря — отрекомендовался он. — Приехал к вам с письмом от Леонова.

Мы пригласили его в дом.

— Дела у ваших неважные, — рассказал нам промышленник. — Привез я одного вашего, оставил на Кигиляхе, в больнице. Фамилии не помню, а зовут его Лёня.

Лёня — это был наш метеоролог.

— А что с ним? — забеспокоились мы.

Оказалось, что наш метеоролог отморозил себе ногу. Вдвоем с радистом они отстали от нарт и в темноте провалились в трещину. Радист тут же переобулся, а Лёня легкомысленно пошел дальше с мокрыми ногами. Мороз был сильный да еще с ветром. Они догнали нарт и, чтобы не задерживаться, решили начальнику ничего не говорить. Вышли к берегу, раскинули палатку, развели из плавника костер. Метеоролог стал раздеваться, но нога

уже распухла, и валенок снять было невозможно. К счастью, это было недалеко от дома Серкина. Выйдя из дому кормить собак, он увидел километрах в трех огонь на берегу. Он не знал об экспедиции, но понял, что костер развел кто-то не из промышленников. Они были хорошо знакомы с этим берегом и не остановились бы на ночевку под открытым небом невдалеке от жилья. Серкин разбудил своего товарища. Запрягли собак и поехали к огню. Начиналась пурга, но собаки быстро домчали промышленников до лагеря, и они вернулись в свой дом со всей группой. Ноги у метеоролога были сильно отморожены. Леонов, по словам Серкина, был в большом расстройстве. Он уже решил возвращаться со всем грузом обратно, к основному лагерю.

Тогда Серкин предложил свою помощь — съездить к нам в лагерь, привезти замену метеорологу и отвезти больного к врачу на станцию Кигилях.

— Завтра утром, как только отдохнут собаки, поедem обратно. — Я обещал Леонову обернуться за два дня. — Кто же поедет со мной? — спросил он, закончив свой рассказ.

Я прочел записку Леонова, — он предлагал мне выехать с Серкиным.

Это предложение заставило меня призадуматься. Я имел некоторую практику в метеорологических наблюдениях на существующих метеостанциях. Но ведь здесь нужно было самостоятельно организовать все с самого начала, установить по всем правилам приборы. Справлюсь ли?

На всякий случай отобрал из библиотеки основные руководства по этим вопросам.

На следующее утро мы выехали.

Путешествие до устья реки Хаастырь, где находился промысловый дом Серкина и его товарища, доставило мне истинное удовольствие. Почти всю дорогу я сидел на нарте в теплой меховой одежде, собаки бежали дружно, и мы покрыли расстояние в шестьдесят километров за 8 часов.

Промысловый стан представлял собой просторную избу, в которой жили две семьи. Но нашлось место и для нас.

Отдохнув, выехали на другой день, в утренние сумерки. Но вскоре снова стало совершенно темно. Мы двигались по льду к южному берегу Малого Ляховского, пользуясь ручным компасом. На базе Толля, на

южном берегу Малого Ляховского острова, устроили небольшой отдых, а затем снова двинулись дальше и с большим трудом добрались, наконец, до цели нашего путешествия — устья реки Отобой.

Наше новое помещение — ураса представляла собой снаружи небольшой холмик, покрытый снегом. Внутри очень тесно. Посередине стоит железная печка, вдоль стен настланы доски в виде нар на трех человек. Площадь — девять квадратных метров внизу и четыре метра вверх; ураса имеет вид усеченной пирамиды. Окон никаких нет.

Каюр и Леонов помогли мне разбить метеорологическую площадку, установить психрометрические будки с приборами и 28 ноября, после того как отдохнули собаки, уехали обратно на Кигилях, с тем чтобы приехать к нам еще раз с продуктами и недостающими приборами. Пользуясь каждой свободной минутой, я вел записи в своем дневнике. Привожу некоторые из них.

7 декабря. Я и радист Саша, мы вдвоем — на берегу пролива Санникова, в маленькой, тесной урасе, занесенной снегом. Сейчас полярная ночь. Почти круглые сутки темно, лишь в полдень два-три часа длятся сумерки. На небе играют огни полярного сияния. Дня три назад над островом появился темнооранжевый серп луны, похожий на кусок переспелого арбуза. Вначале он всплыл над горизонтом в мутной мгле и скрылся, но теперь уже с каждым днем он поднимается все выше и выше, освещая призрачным светом бескрайний снежный океан. Мороз больше тридцати градусов, приходится непрерывно топить железную печь, иначе очень холодно. Но дров здесь вволю — выброшенные морем огромные деревья с корнями, доски, бревна различных размеров скопились в течение многих лет на прибрежной террасе. В свободные от наблюдений часы мы выкапываем их из-под снега и составляем пирамидами, которые почему-то полярники называют кострами. Нам нужно много дров на зиму, а пока слой снега еще тонкий, их легко выкапывать. За работой быстрее бегут часы, и легче переносить одиночество. На север, на запад и восток — однообразная ледяная пустыня, на юг — еще менее радующая взор поверхность острова. Тишина. Лишь изредка слышен визгливый лай песка.

Распорядок нашего дня строг и размерен. Через каждые шесть часов — наблюдения на метеорологической

площадке: отсчет температуры воздуха, температуры поверхности снега, влажности, атмосферного давления, контрольные отметки на самописцах¹, определение скорости и направления ветра, затем описание форм и вида полярных сияний, определение форм и количества облаков и разного вида атмосферных процессов: инея, мглы, ледяного тумана, венцов и галлов вокруг луны. Эти показания цифрами и условными значками заносятся в журнал метеорологических наблюдений. Затем долбим лунки во льду пролива — измеряем толщину льда, чтобы определить интенсивность его нарастания. Закончив все наблюдения, я составляю сводку, а радист сразу же передает ее в Тикси в бюро погоды. Оттуда она передается в Якутск, Москву, Ленинград, и через несколько часов мои наблюдения в виде точки, окруженной черными, красными цифрами и условными значками, появляются на всех синоптических картах нашего Союза и всего мира, вместе с сотнями других точек, расположенных здесь, на севере, и на далеком юге.

Совокупность этих цифр и условных значков дает представление о погоде на больших пространствах земного шара. Линии одинакового атмосферного давления — изобары, проведенные на синоптической карте, обрисовывают зоны высокого и низкого давления — антициклоны и циклоны. Сила и направление ветров, проставленные условным значком около каждой станции, помогают более точно провести изобары, составить точное представление об изменчивости ветров в том или ином районе. Температура и влажность воздуха, облачность и другие характеристики позволяют определить происхождение воздушных масс — теплых, холодных, морских, континентальных и т. п. В связи с тем, что каждой воздушной массе свойственна определенная совокупность наблюдаемых метеорологических элементов, резкая изменчивость этих элементов позволяет провести границы между этими массами, определить теплые и холодные фронты.

Сравнение таких карт, составляемых через каждые шесть часов, дает представление о скорости и направлении движения воздушных масс, об усилении или затухании атмосферных процессов. А это в свою очередь уже

дает возможность предвидеть погоду в том или ином районе на несколько часов вперед. Тем самым летчики на воздушных трассах и капитаны в морях могут получать непрерывную информацию о погоде.

И не только авиация и мореплавание — в надежной информации о погоде заинтересованы многие отрасли народного хозяйства. Служба погоды — это сложный механизм, состоящий из сети метеорологических станций, бюро погоды, гидрометеорологических центров, объединенных единой целью. Радиостанции и телеграфные линии пропускают сводки погоды вне всякой очереди.

Четкая организация метеорологической службы особенно важна для Советского Союза, на необъятных пространствах которого расположены районы с самыми разнообразными природными и климатическими условиями. Понятно, что чем больше будет метеорологических станций, тем точнее и надежнее будут зафиксированы на синоптической карте изменения погоды, тем правильнее будет предсказана погода.

С первых дней существования нашей станции ее сводки поступали в дальневосточное бюро погоды.

Приятно было сознавать, что наша станция вступила в строй, и наш район уже не белое пятно на карте, где изобары проводились приблизительно с точностью... доста километров. Теперь мы могли сообщать точные цифры, данные измерительных приборов.

* * *

... Около часу времени уходит на наблюдения и составление метеорологической сводки. Потом снегомерной рейкой измеряем толщину снега на льду. Готовим установку для измерения колебаний уровня моря под льдом. Работы много, поэтому мы приучили себя спать по два-три часа. Предстоит еще утеплить наше жилище. Из снежных кирпичей построили большой тамбур, в нем храним напильники, дрова и разные вещи. Установили брезентовую палатку, которую обложили снегом. Скоро придет наша следующая партия с Кигиляха. Палатка будет для них жильем.

12 декабря. Приближаемся к середине полярной ночи. Скоро 22 декабря — день зимнего солнцестояния. «Солнце на лето, зима на мороз» — говорят в народе. Будем жить

¹ Самописец — прибор, автоматически регистрирующий температуру воздуха, давление, влажность.

ожиданием солнца. Я высчитал, что солнце должно появиться у нас над горизонтом 7 февраля. Еще почти два месяца! Страшный мороз и обжигающий ветер. В Тикси свирепствует пурга.

— Тох, тох, тох! — донеслось к нам снаружи; послышался громкий собачий лай.

Мы выбежали на улицу. Вдоль берега цепочкой легко бежала упряжка собак. Один человек сидел на нарте, закутанный в малицу, второй в легких оленьих унтах бежал сзади. Мы удивились, что в такой мороз этот бежавший человек был без головного убора. Его малахай болтался на спине.

Это были промышленники — якуты. Каждые десять-пятнадцать дней они объезжают вокруг острова, осматривая песцовые ловушки.

Оставив нарту с подветренной стороны тамбура, они подошли к нам, крепко пожали нам руки и отрекомендовались:

— Петухов, Колесов.

— Приехали поздравить с новосельем, — сказал Петухов, приветливо улыбаясь.

— Какие новости? — спросил Колесов.

— Спасибо за поздравление, — ответил я им, — а новостей мало, работаем да вот еще радио слушаем.

— Это хорошо, что на нашем острове теперь радиостанция. Я бы хотел телеграмму послать в Якутск своим родственникам, можно? — спросил Петухов.

— Можно, — ответил радист, — пойдемте в нашу урасу, обогреемся и пообедаем, а через час я передам и вашу телеграмму.

Мы вошли в урасу. Четверо здесь еле-еле могли разместиться.

— Да, плохая ваша изба. У нас просторней, приезжайте в гости к нам, — сказал Петухов, набивая огромную трубку. — Мы еще летом построили большую избу из плавника. Колесов у нас хороший плотник. В Якутске плотником был, а теперь вот промышленником заделался.

Я рассмотрел при свете свечи их обоих. Петухов носил франтоватые усы и часто расправлял их мундштуком трубки. Худощавое лицо, горбатый орлиный нос, чисто выбритый подбородок, пронизательные с хитринкой глаза выдавали в нем обстоятельного и бывалого человека. На вид ему можно было дать лет сорок пять.

Лицо Колесова было менее выразительно — широкое, с выдающимися скулами, без каких-либо признаков растительности. Возраст его трудно было определить. Во всяком случае он был моложе Петухова.

— А Петухов на Котельном это ваш брат? — спросил я.

— Да, брат.

Я рассказал, что был летом у его брата.

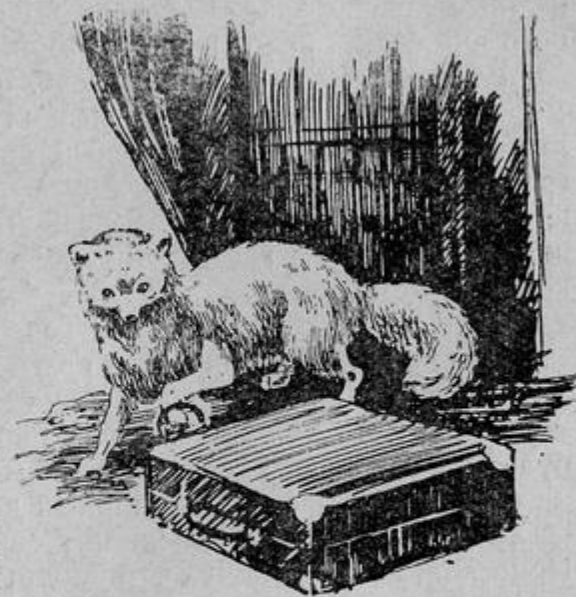
Мы накормили гостей супом и консервами, а потом я отправился выполнять наблюдения. Колесов пошел за мной и, стараясь не мешать мне, внимательно следил за всеми моими действиями. Когда мы вернулись и я приступил к составлению сводки, Колесов оживленно рассказывал своему спутнику по-якутски обо всем, что он видел на метеоплощадке. Радист передал сводку, а потом и радиограмму Петухова.

Радист включил репродуктор, и наши гости прослушали передачу якутской радиостанции на их родном языке. Затем они простились с нами, еще раз пригласили в гости и скрылись в темноте полярной ночи. Долго еще доносились до нас лай собак и крики команды.

Мы снова остались одни.

15 декабря. Вчера в середине дня я обнаружил вокруг урасы и палатки много песцовых следов. Следы вели и в палатку, где лежало продовольствие: масло, мясо и прочее. Вечером мы расставили в разных местах капканы, один из них у входа в палатку, за бревном, которым прижимались полы палатки.

Сегодня утром, забыв о капканах, занялись заготовкой дров. Проходя мимо палатки, я услышал звон цепи. Я вбежал в палатку — белый

Песец в капкане

зверек лежал, притаившись в углу, и следил за мной злыми глазами. Передняя лапа его была в капкане, привязанном к ручке чемодана. Я приблизился к песцу, но он зашипел, рванулся и потащил капкан вместе с чемоданом к выходу из палатки. Я наступил на чемодан. Тогда в бессильной злобе он начал грызть железные скобы, защебившие лапу. Мне рассказывали, что песец, попав в капкан, нередко отгрызает зажатую лапу и уходит.

Мы решили убить песца и оставить его до следующего приезда промышленников, чтобы они сняли с него шкуру по всем правилам. Песец был крупный, весь белый, с длинным пушистым хвостом.

Эта случайная удача разожгла в нас охотничий азарт. Мы поставили вблизи станции несколько капканов под снегом, положили на них кусочки мяса. Вокруг холмиков и в оврагах песцы протоптали настоящие тропы. Местами целые полянки были изрыты следами. Здесь жила, очевидно, целая колония леммингов.

Теперь мы часто бродим в лунные ночи вместе и по-одиночке на лыжах по острову.

23 декабря. Медленной вереницей проходят в темноте полярной ночи похожие друг на друга часы и сутки. Иногда становится тоскливо. Начинаешь вспоминать солнце, нежные краски заката, вечернюю прохладу после знойного дня, тихий рокот южного моря.

А здесь темная звездная ночь, покрытый льдом берег моря, в небе пляска фантастических холодных красок полярного сияния. Бледнозеленый свет его заливают безграничную, безмолвную снежную пустыню. Ни один звук не нарушает тишины бесконечной полярной ночи. Кажется, что живем где-то в подводном царстве, на глубоком морском дне.

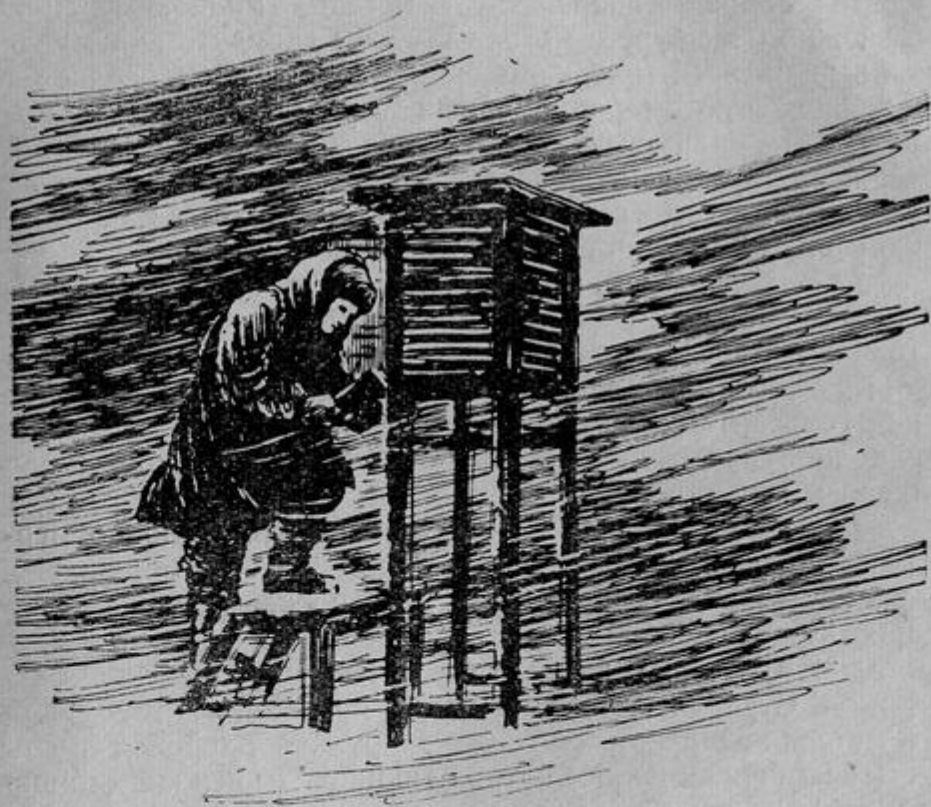
День 22 декабря миновал. Теперь уже скоро на юге появится заря, которая будет разгораться с каждым днем все ярче и ярче. Через полтора месяца мы встретим солнце. А потом с каждым днем оно все дольше и дольше будет посылать нам свои лучи и в мае перестанет уходить за горизонт — наступит полярный день.

18 декабря к нам приехали Леонов, каюр и гидролог. Привезли продовольствие, приборы и уехали снова за следующей партией груза. Еще многое нужно сюда перебросить, чтобы с началом светлого времени приступить

к работам в проливе. Гидролог остался с нами. Теперь нас трое. Мы развернули наблюдения в полном объеме. Установили зимний мареограф на льду для непрерывной регистрации колебаний уровня моря.

Чтобы выяснить распространение колебаний температуры воздуха в толще льда через снежный покров, мы разместили на поверхности льда термометры для измерения температуры снега на разных горизонтах. Часто долбим лунки во льду и выпиливаем с разных глубин кусочки льда для химического анализа. Словом, работы много.

28 декабря. Ура! Мы уже начали получать поздравительные новогодние телеграммы от родных и знакомых. Как много радости приносят нам короткие и теплые фразы. В ночь под Новый год мы снова развернем эти телеграммы и прочитаем их с той же радостью, как и сегодня. Пройдет зима, лето, а осенью мы будем уже среди родных и друзей.

В любую погоду мы шли к приборам

Мы ежедневно записываем все, что видим, все, что нам показывают приборы. Эти записи превратятся затем в столбцы цифр и таблицы. И мало кто задумается над тем, что испытывал человек, например, в тот момент, когда он мгновенно замерзающими руками отмечал в журнале температуру воздуха минус пятьдесят градусов и силу ветра — 30 метров в секунду.

Чтобы получить эти цифры, в самый жестокий мороз мы шли к приборам. Ледяной воздух жег лицо, равнодушно мерцали звезды в темной вышине неба. Нередко в пургу приходилось ползти на четвереньках против стены ветра. Но нужно было записать показания приборов, и каждый из нас шел и полз, отсчитывал и записывал.

Пишу и часто отрываюсь — сварился суп на железной печке, его надо снять и поставить второе. Обед готовим по очереди. Ежедневно мы ломаем голову над меню и ежедневно ограничиваемся мясным супом с сушеным картофелем и кашей.

За стенкой свирепствует метель. Радист возится в снежном тамбуре с мотором, чтобы зарядить аккумуляторные батареи, питающие нашу радию. Вот раздается урчание, а потом равномерный стук мотора. Все в порядке. Мы садимся обедать. Стола у нас нет, приходится держать тарелки на коленях. Но на наш аппетит это не влияет. Ни один из нас до сих пор не жаловался здесь на какую-либо болезнь или на отсутствие аппетита.

30 декабря. Сегодня утром метель стихла. Ясное темносинее небо, неподвижный морозный воздух. Снова заготавливаем дрова, пилим, колем. Около двенадцати часов дня на небе появляется полоска зари. Кажется вот-вот над горизонтом взойдет солнце. Но светложелтая полоска на горизонте темнеет, солнце только напомнило о своем существовании.

1 января 1941 года. Новогодняя ночь. Холодно мерцают звезды, кружатся в безумной пляске огни полярного сияния. Сейчас вернулся с первого новогоднего наблюдения. Мороз очень крепкий, огромное количество инея. Все столбики, веревки, антенна покрыты пушистой белой бахромой. Стукнул палкой по лееру, протянутому от урасы к метеоплощадке, и в воздухе закружился хоровод пушистых комочков. В абсолютной тишине слышен мягкий шелест — это комочки распадаются в воздухе на отдельные кристаллики льда. Природа устроила нам новогодний

праздник под огромным темносиним небосводом, а завтра у нас был праздничный обед, и мы ходили на лыжах.

Получили радиogramму с Кигиляха с поздравлением и сообщением, что к нам снова выезжают с грузом Леонов и каюр. Через четыре дня они должны быть здесь.

5 января. Наши еще не приехали. Продукты подходят к концу, приходится сильно экономить. Солнце приближается к горизонту очень медленно, а морозы все сильнее и сильнее. Морозные туманы или метель сопровождают светлую часть суток. Тяжело и опасно ехать в такую погоду, покрывая в сутки несколько десятков километров, с большим грузом на нартах. Отгоняем от себя мрачные мысли. Часто поодиночке или все вместе выходим на лед или поднимаемся на пригорок и прислушиваемся: не скажет ли нам что-нибудь морозный ветер, не принесет ли он нам долгожданный собачий лай?

7 января. Вчера в девятнадцать часов пришли обе нарты. Собаки целы, Леонов и каюр здоровы, только на обветренных лицах видны пятна легкого обморожения, но настроение веселое. Поражает их выносливость. В большой брезентовой палатке установили железную печку, настлали просторные нары из бревен. Леонов приготовил нам роскошный обед. Кроме приборов и продуктов, нам привезли много телеграмм и поздравлений из Москвы, Ленинграда. Специальным циркуляром начальника Главсевморпути отмечено вступление в строй новой полярной станции. Нашему коллективу объявлена благодарность за победу над полярной ночью.

В палатке с приездом товарищей все время царит шумное оживление. Мы засыпали наших гостей вопросами. Нас интересовала всякая мелочь, все подробности их жизни на Кигиляхе.

Леонов сообщил нам, что у метеоролога пришлось ампутировать пальцы на обеих ногах и оперировать пятку на одной ноге, но он чувствует себя прекрасно и все просит, чтобы его отправили к нам на базу. Через месяц он будет вполне здоров.

— Они все там завидуют вам и хотят переехать сюда. Но пока еще рано. Нам придется сделать еще 3—4 рейса, чтобы перебросить все приборы и создать здесь у вас запасы продовольствия. Тогда все перебазировемся сюда и начнем работы в проливе, — сказал Леонов.

Каюр, с трудом удерживаясь от смеха, рассказал, как Саша-химик поймал «полярного волка».

Оказывается, в Саше с некоторых пор пробудилась страсть к охоте. Однажды, намотав на голову сверх шапки большой шарф, он отправился в тундру на лыжах проверить капканы. Через полчаса прибегает обратно и кричит: «Волк, волк в капкане!»

Каюр, Леонов и все остальные, кто был дома, быстро оделись, взяли винтовки и направились к капкану. Саша показывал дорогу. В самом деле, впереди на снегу копошилось что-то черное. По всем правилам, с винтовками наперевес окружили это место... и что же! У капкана лежал наш молодой пес Пацан и тихо повизгивал. Ему прищемило дужками капкана лапу.

Пацан — самая безобидная, ласковая собака. Вероятно, она увязалась за Сашей, а так как собак всегда гнали обратно к дому, чтобы не отпугивали песцов, то она обежала стороной и угодила в капкан. Сконфуженный Саша с тех пор забросил все свои капканы, но товарищи еще долго посмеивались над ним.

9 января. Вчера весь день свирепствовала метель. Сегодня при сильном морозном ветре наши «возчики» выехали в обратный путь. Вскоре после их отъезда снова задула низовая метель при сильном морозе и ясном лунном небе. С запада мчались освещаемые лунным светом тучи снежной пыли. Хорошо, что на пути наших товарищей часто стоят промысловые избышки. Вероятно, эту ночь они проведут в уресе Станчик, в двадцати километрах к западу от нашей базы.

В темную полярную ночь наш начальник и каюр вместе с собаками проделали путь между нашими базами в общей сложности не менее тысячи двухсот километров. И немало еще придется сделать рейсов, прежде чем сюда будет завезено все необходимое.

Плохо с собачьим кормом. Рыба, заготовленная нами летом в Тикси, выгружена на мысе Медвежьем. Сейчас собак кормят хлебом, испеченным с консервами. Один раз в сутки каждая из них получает по килограмму этой пищи. Удивительно, как они еще сохраняют резвость. Ведь даже отдыхают они в снегу, на морозе.

... Я перелистываю страницы своего дневника и снова передо мной проходят картины этой первой далекой зимовки.

Ярко встают в памяти путешествия на лед пролива, где находится мареограф и в снегу установлены термометры. От урасы к снежной будке на льду через двадцать-двадцать пять метров стоят столбы-вехи. В метель их не различишь — крошечная тьма. Идешь, отсчитывая шаги от одного столба до другого. Но вот это расстояние пройдено, а следующего столба все нет. Делаешь несколько шагов вправо, затем влево, иногда бессознательно начинаешь делать круги. След моментально замечает. После нескольких минут метаний берешь себя в руки. «Стой!» — командуешь себе мысленно и, сосредоточившись, начинаешь собираться. Вдруг все становится ясным — идешь вперед и натыкаешься на столб.

Метель разыгрывается обычно внезапно. Мне часто приходилось наблюдать начало метели, когда в ясную, тихую погоду начинает слышаться слабый шелест — это отдельные струйки ветра у земли гонят жесткие снежинки. Но вот порывы ветра становятся более резкими, уже не отдельные снежинки, а белые струйки снега текут по ветру между долинками снежных заструг.¹ Стоишь где-нибудь на возвышенном месте, воздух вверху чист и прозрачен, внизу же, точно живые, ползут полосы снега. Это поземок. Мутнеют дали, порывы ветра делают все сильнее и сильнее, холодные и резкие, они бросают в лицо пригоршни снега, жесткого и колючего, как песок. Местами образуются вихри. Через полчаса все закружилось, завертелось в безумной пляске, уже не видно неба, все заволочло белой пеленой поднятого ввысь снега. Над бескрайними просторами с воем и свистом носятся огромные, чудовищные тени.

«Общая метель», — отмечаю я в наблюдательной книжке.

Забираемся в урасу. Но и здесь начинает гулять ветер. Топим непрерывно железную печку, хотя помогает это мало — все равно холодно: печка раскаляется докрасна, пламя в ней ревет, вторя порывам ветра, и все тепло уносится в трубу. Кажется, что вот-вот порыв ветра сорвет наше жилище и унесет, смешав все со снегом. Лежим в спальных мешках, но я дежурный, и мне часто приходится вставать и подкладывать дрова в печку.

Но самое тяжелое — вставать и идти в такую погоду

¹ Выступы, образуемые ветром на снежном покрове ледяной поверхности моря, называются застругами.

на ночные наблюдения. Слышен бесконечный рев урагана, то затихающий, то возрастающий с новой силой; хлопает брезент, покрывающий снежный тамбур. Кажется никогда не кончится эта дикая, безумная пляска стихии.

Подходит час наблюдений. Итти все же надо. Надев на голову электрический фонарик, плотно закрываю шею, лицо, оставляя лишь щелку для глаз, и на мгновение останавливаюсь перед дверью. Затем, набравшись решимости, открываю дверь и ныряю, точно в бездну. Ощупью пробираюсь вдоль стен урасы, хватаюсь за леер и лезу по сугробам в гору на метеоплощадку. Ветер давит в бок с такой силой, что кажется, будто наваливается на тебя что-то огромное и непреодолимое. За шарф, закутывающий лицо, моментально набивается снег, он тут же тает, и лицо покрывается ледяной коркой. Срываю шарф, непроизвольно открываю рот, чтобы выдохнуть воздух, но поздно — порыв ветра заполняет рот, и я, как рыба на воздухе, начинаю беспорядочно открывать и закрывать его. Повертываюсь спиной к ветру и, низко пригибаясь, иду боком. Вот, наконец, столб флюгера. Включаю осветительный фонарь наверху столба. Доска флюгера дрожит на последнем делении — ветер более девяти баллов. Смотрю кругом — не вижу психометрической будки, а она всего в четырех метрах от меня. Ощупью добираться до будки. В приборы набилась масса снега. Пока записываю отсчеты на фанерной дощечке, руки коченеют. Температура воздуха минус тридцать пять градусов, да при этом еще такой ветер! Такие минуты кажутся бесконечными, и уже не верится, что наступит хорошая погода. Быстро добираться до урасы и, чуть не плача, отогреваю над печкой замерзшие пальцы. Затем залезаю в спальный мешок и мгновенно засыпаю.

Просыпаюсь утром — тихо. Товарищей нет в урасе. Встаю и выхожу на улицу. Хорошая, мягкая погода, спокойно лежит снег, точно волны застывшего моря. Саша расчищает дорожку. Федя очищает от снега метеорологические будки. Как будто и не было этой ужасной ночи. Лишь огромные сугробы в низинах и голая мерзлая земля на холмах свидетельствуют о том, что все это не было сном. Я свободен сегодня целый день. Надеваю лыжи и иду вдоль берега на восток навестить промышленников. Солнца еще нет на небе, но видимость прекрасная. Пурпурно-золотистый горизонт на юге, светлоголубое небо в зените, а там, на севере, на расстоянии 60 километров

синюют горы острова Котельного. Ни одной птицы, ни одного живого существа — только снег, повсюду снег. Тишина абсолютная. Лишь изредка раздается как бы глухой выстрел — это трещит лед в проливе от резкой смены температуры воздуха.

У промышленников просторная бревенчатая изба, хорошая печь, сделанная из большой железной бочки. Петухов живет здесь с семьей — жена и двое детей: мальчик четырех лет и девочка лет восьми. Встретили меня очень радушно, накормили свежим оленьим мясом, напоили чаем, предоставили в мое распоряжение патефон с самым разнообразным набором пластинок.

В сенях на распялках здесь развешены шкурки песцов. При мне хозяйка чистила отрубями уже просушенные песцовые шкурки.

Возвращался обратно светлой лунной ночью. На небе играли яркие сполохи. Мороз крепчал, дул легкий встречный ветерок. Возвратившись домой, я обнаружил, что обморозил щеку.

6 февраля в двенадцать часов мы поднялись на гору и увидели долгожданное солнце. В первый раз сегодня оно появилось над нами, яркое, живое, но холодное...

Теперь оно с каждым днем все дольше и дольше задерживается на небосклоне. Его лучи, многократно отраженные кристалликами снега, ослепляют глаза.

С появлением солнца из-за рефракции часто возникают миражи. Выйдешь, посмотришь вокруг и не узнаешь окрестностей: торосы в проливе выросли в огромную сверкающую стену, просветы между ними то расширяются, то суживаются; видно, как струятся частицы воздуха, нагреваемые лучами солнца. Под влиянием рефракции небольшая неровность на поверхности льда может превратиться в огромную гору. Вот перед нами вдруг вырастает огромный сверкающий памятник, поминутно меняющий свои очертания, а дальше — причудливый, фантастический голый березовый лес, поднимающийся к небу. Уловить детали невозможно, так как все меняется, струится, одни фигуры незаметно переходят в другие.

А как прекрасно солнечное утро после бесконечной полярной ночи... Вдоль обрывов берега тянутся черные тени, — а там вдали уже сияют верхушки торосов. Золотисто-фиолетовая полоса движется все ближе и ближе к берегу — это солнце поднимается над горизонтом.

СНЕЖНАЯ ВЕСНА

Начало марта. Шесть часов утра, совсем светло. Через несколько минут взойдет солнце. Я иду на площадку и вдруг слышу шум крыльев; поднимаю голову. Это — куропатка, первая куропатка. Надо готовить ружья. Скоро их прилетит сюда много, и у нас будет чудесная свежая дичь. Я рассказал товарищам о своем открытии.

Федя не выдержал и тут же отправился с ружьем на охоту, но вернулся ни с чем. Рассказал лишь, что видел много куропаточьих следов на возвышенных местах тундры.

Температура попрежнему держится около сорока градусов мороза, но в воздухе тихо и солнечно, поэтому кажется, что тепло. Нам так надоела наша темная ураса, что большую часть суток мы стараемся проводить на свежем воздухе. Заготавливаем дрова, бродим с ружьями по тундре на лыжах. Я переселился окончательно в палатку и буду здесь жить. Когда топится печка, тепло, а спать залезаю в двойной спальник и сплю здоровым, крепким сном. Правда, когда проснешься, в холодной, остывшей палатке трудно вылезать из мешка. Но под рукой всегда наготове сухие дрова, и нормальная температура восстанавливается через несколько минут. Мои товарищи также часто сидят в палатке. Здесь светлее и просторнее. Сделали здесь проводку для репродуктора, теперь слушаем последние известия.

«... В южных районах Украины, в Молдавии, на Северном Кавказе, в Южном Казахстане заканчивается весенний сев... В Москве температура 2 градуса тепла...»

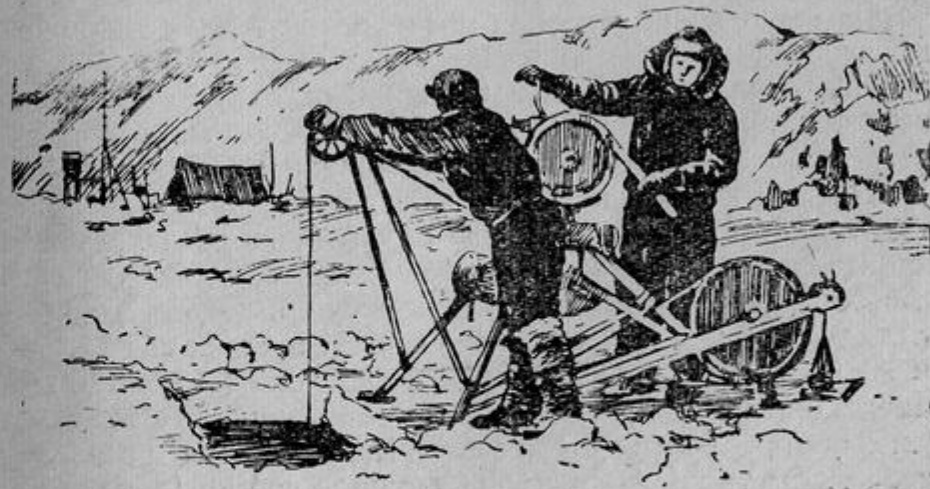
У нас же по ночам в глубоком небе кружатся разноцветные огни полярных сияний и часто шумит метель, переноса с места на место тучи снега. Холодный, пронизывающий ветер. Трудно представить себе, что вся эта громада снегов и льда когда-нибудь растает.

Долбили лунку. Оказывается, что толщина льда здесь сто восемьдесят сантиметров. Получился как бы колодец с голубовато-зелеными стенками, глубиной с человеческий

рост. До глубины примерно полутора метров лед, твердый, точно камень, ближе к воде становится более мягким и даже рыхлым. Последние 15—20 сантиметров приходится долбить очень осторожно, снимать лед тонким равномерным слоем, иначе лунку зальет водой. Местами вода уже начинает просачиваться. Выскакиваю из лунки и с силой ударяю по дну лунки пешней. Под большим напором вода бьет фонтаном и моментально заполняет колодец. Сквозь воду пробиваем тяжелым бревном остальную часть лунки. Вода на фоне зеленоватого льда кажется изумрудно-зеленой. Вместе с пробами льда с различных глубин берем пробу воды для химического анализа.

С середины марта метеорологические наблюдения начинаем вести каждый час. С Челюскина на Котельный летит самолет «Н-169» под управлением летчика Черевичного. На борту этого самолета находятся участники экспедиции Арктического института. Они летят дальше, на остров Врангеля, а оттуда сделают несколько полетов с посадкой на лед в районе так называемого полюса относительной недоступности, в Арктическом бассейне. Все полярные станции на пути их полета ведут ежечасные метеорологические наблюдения и передают их по радио на борт самолета. Мы также внимательно следим за этим рейсом.

25 марта прибыли снова на двух нартах Леонов и каюр, а через два дня, 27 марта, я вместе с ними отпра-

Гидрологи за работой

вился на разведку на север через пролив Санникова — на мыс Медвежий. Я бежал впереди на лыжах, выбирая более ровную дорогу среди торосистого льда. Первые часы мне приходилось очень туго. Собаки бежали резво по моему следу, я слышал за спиной их разгоряченное дыхание. И мне приходилось напрягать все силы, чтобы их не задерживать. Несмотря на мороз и холодный ветер, мне было так жарко, что я снял меховую рубашку и бежал в одном легком свитере. Направление я определил заранее по карте, с которой снял истинный курс, исправил его на магнитное склонение этого района, и теперь шел по ручному компасу. Изредка останавливался, по визиту компаса проверял направление, выбирал далеко впереди приметный торос и потом, уже не глядя на компас, шел до этого тороса. Пройденное расстояние отмечалось на одометре, привязанном сзади к одной из нарт. Это обыкновенное велосипедное колесо с длиной окружности в один метр. К колесу приделан счетчик оборотов. Благодаря этому нехитрому прибору мы всегда в наших поездках знали пройденное расстояние с достаточной точностью. Ручной компас и одометр были нашими постоянными спутниками, которые ни разу не подвели нас — мы в любой момент вдали от берегов знали точно, где мы находились.

Наш путь пролегал по сильно торосистому льду. Ровный путь найти было невозможно. Приходилось перелезать через торосы и перетаскивать на себе нарт. Через 6 часов достигли центра пролива. Здесь в апреле будет установлена наша основная пятнадцатисуточная гидрологическая станция.

Надвигалась ночь, и мы решили отдохнуть. Выбрали высокий торос на краю большого ровного поля и с подветренной его стороны в снегу раскинули палатку.

Прежде всего накормили собак, потом разожгли примус и вскипятили чай. Крепкий чай — это обязательный напиток в наших санных поездках, и поглощаем мы его в огромном количестве. Поужинали мы с большим аппетитом, а затем прямо на снегу расстелили брезент и на нем спальные мешки. Заснули моментально, в спальном мешке было тепло и уютно. Когда я проснулся, в палатке уже шумел примус. Сквозь крышу палатки розовело небо... Быстро позавтракали, уложили на нарт все имущество, впрягли собак и снова тронулись в путь.

Вскоре увидели очертания острова Котельного; сначала показались неясные массы с темными пятнами обрывов на фоне белой поверхности снега, но вот уже стал ясно виден высокий мыс Медвежий, вдающийся в море. От него в обе стороны на северо-восток и северо-запад береговая линия уходит вдаль, в неясную синеву. А дальше на севере, в центре острова, сияют громады гор. Вдоль самого берега тянется ровная полоса льда.

Собаки дружно понесли нас к стану Михайлова. Здесь на зиму остался с семьей мой старый знакомый — промышленник Петухов первый. На Малом Ляховском жил его брат — Петухов второй. Так они сами себя называли.

Встретили нас на стане Михайлова очень гостеприимно. В благодарность за рыбу, которую мы оставили на мысе Медвежьем осенью, они дали нам много оленьего мяса.

Мы пробыли здесь целые сутки. Пересмотрели свой груз на мысе Медвежьем, часть приборов и рыбы погрузили на нарт. Недалеко от стана Михайлова в течение нескольких лет на берегу стоял бензин в бидонах, оставшийся от какой-то несостоявшейся воздушной экспедиции. Бензин нам был очень нужен, и мы решили захватить около 100 килограммов. В среднем каждая нарта с грузом весила до 25 пудов.

1 апреля двинулись в обратный путь. Перед выездом встретили промышленника Горохова — он перебирался на свой промысловый участок с Большого Ляховского на остров Бельковский. Он рассказал нам, что ехал от Малого Ляховского на стан Елисей, — это было немного восточнее нашего пути.

— А там, где вы ехали, ровно или торосы? — спросил Леонов.

— Ровно, — лаконично ответил Горохов.

Мы обрадовались этому сообщению и решили ехать вдоль берега до Елисея, а оттуда к Малому Ляховскому ехать по следу Горохова. Нам пришлось не раз пожалеть об изменении маршрута. Горохов, плохо говоривший по-русски, возможно, не понял вопроса Леонова, а может быть, ему и в самом деле дорога показалась ровной — ехал он туда на пустой нарте, на сытых, откормленных собаках.

Сразу же от стана Елисей пошли гряды торосов. Тяжело груженная нарта с ходу врезалась в снег. Собаки останавливались, и нарту приходилось перетаскивать почти на руках, приподнимая за дугу. Только вытащишь — впереди снова сплошное нагромождение торосов. И снова приходилось тащить нарты на себе. Так продвигались несколько километров, пока не миновали зону сплошного торосения вблизи берега. В одном месте видели следы оленей. Повидимому, они ходят в пролив лизать соленый лед. Среди торосов вспугнули несколько стаяк куропаток.

Дальше передвигаться стало легче — начали попадаться огромные поля ровного льда. Здесь мы отдыхали — собаки шли ровной рысцей, нарты легко скользили по тонкому слою твердого снега, а мы бежали рядом, иногда присаживаясь на нарты.

Было около тридцати градусов мороза, но тихо, и светило солнце. Алмазом искрились снежные дали. Но вот опять началась зона торосов. Словно кто-то гигантским плугом вспахал ледяную целину. Снова, покрикивая на собак, перетаскивали нарты на руках. За десять часов проехали всего восемнадцать километров. Мокрые от пота, мы все чаще останавливались и на несколько минут ложились на снег. Над нами столбом стоял пар. Собаки тоже выбились из сил, на каждой остановке ложились в снег и, чтобы двинуться дальше, их приходилось поднимать силой.

Мы предполагали заночевать в центре пролива. Здесь, на месте будущей пятнадцатисуточной станции, мы должны были оставить часть снаряжения и бензин. Но чем дальше, тем все более медленным становилось наше продвижение. Стало очевидным, что нам не дотянуть в этот день остававшихся до намеченного пункта десять-двенадцать километров. Солнце село, наступили фиолетовые сумерки, без теней — труднее стало определять дорогу среди сложного лабиринта торосов. Решили заночевать. Остановились под большим торосом, раскопали снег, поставили палатку. Пока ехали, было жарко, но как только остановились, мокрая одежда замерзла на нас колом. К счастью, с Медвежьего мы захватили небольшую железную печку и несколько поленьев дров. Быстро затопили и немного обсушились. Страшно голодный, я набросился на банку мерзлых мясных кон-

сервов. Мои спутники до того утомились, что были в состоянии только пить чай, и удивлялись моему аппетиту. Наконец, накормили собак и улеглись спать в спальных мешках.

Утро было хорошее, солнечное, с небольшим ветерком. Встали, позавтракали, свернули лагерь и двинулись дальше. Собаки, получившие накануне усиленную порцию, пошли веселее. В ясное, солнечное утро легче было выбирать ровную дорогу. Свернули к месту пятнадцатисуточной станции. На этом месте в прошлый раз на вершине тороса мы установили большой красный флаг, видный издали. На этот раз оставили здесь бензин, керосин и часть приборов для будущих работ. Обрато ехали уже налегке.

Я ехал впереди на нарте и любовался синевой горизонта, необычно красивого в этих прозрачных сумерках. Вдруг собаки все разом рванулись в сторону, и нарта врезалась в торос. Собаки лаяли, бесновались, но сдвинуть нарты с места не могли. Я вскочил с нарт и стал всматриваться. Что привлекало внимание собак, — может быть, за торосом медведь или песец? Совсем недалеко, в пятнадцати-двадцати шагах от меня, беспокойно крутя головами, сидели в снегу две белые куропатки. Я быстро выхватил ружье и выстрелил. Одна осталась на месте, а вторая взвилась и камнем упала в снег. Первая свежая дичь!

Наконец, мы дома! Поход окончен.

Через день Леонов и каюр снова уехали на Кигилях за последней партией груза. Когда они вернутся, начнем работы на льду пролива.

Я провожал их на лыжах. На обратном пути видел стаю куропаток и огромную полярную белую сову. Она сидела на вершине байджараха, высматривая добычу. При моем приближении сова спокойно снялась с места и, лениво махая крыльями, улетела прочь, слившись со снежными просторами.

Полярная сова

С каждым днем на наших глазах природа оживала. Стайки куропаток то и дело пролетали над головой из глубины острова на прибрежные песчаные косы и обратно. Почти каждый день мы получали теперь на обед свежую дичь.

12 апреля я услышал нежное щебетанье маленькой птички — прилетели пуночки.

Кончается песцовый сезон — под яркими лучами солнца песцы начинают линять, и шкурки их уже не представляют ценности. С начала апреля промышленники закрывают ловушки и с грузом пушнины направляются на фабрику, расположенную на южном берегу Большого Ляховского острова. К нам теперь часто заезжали гости. Промышленники с северного берега Котельного привезли долгожданные письма из Ленинграда, доставленные самолетом Черевичного. Сколько радости принесли нам эти маленькие листочки!

Приближалось наступление полярного дня. Вместо ночи наступали лишь бледные сумерки — белые ночи. Как непохожи они на белые ночи в Ленинграде, где воздух в это время полон аромата свежей зелени, цветущей черемухи и сирени. Здесь белые ночи прозрачны и холодны. Солнце бесконечно долго катится по горизонту и как будто с неохотой погружается в белую пелену льдов. Рефракция придает ему самые причудливые формы. Вот оно уже не шар, а огромный, бесформенный, фантастический ярко-красный костер, который горит над снегами, непрерывно изменяя свои очертания. Пламя вытягивается вверх в гигантский кроваво-красный столб, затем превращается в опрокинутую вазу и, наконец, исчезает за горизонтом.

15 апреля снова разбушевалась метель. Это было весьма некстати: мы получили радиogramму, извещавшую, что 13 апреля с Кигиляха выехали наши партии. Выехали все, кроме повара, который остался выполнять кое-какие прибрежные наблюдения. Каково-то двигаться такому каравану в метель! А ведь с ними должен ехать метеоролог. Его обмороженные ноги еще не вполне зажили. Если случится авария, он не сможет пройти пешком большое расстояние.

В ночь с 15 на 16 апреля, когда мы втроем сидели в палатке у печки и, слушая завывания ветра, жарили рыбу, вдруг открылся полог палатки и ввалилась залепленная снегом человеческая фигура.

— Борис! — крикнули мы в один голос.

Это был гидролог Борис. Он отряхнулся и сел на бревно у входа в палатку.

— Приехали, наконец-то! А где же остальные?

— Как где? — удивился Борис. — Разве их нет?

— Нет, еще никто не приехал. Почему же ты один?

— Значит они заехали куда-нибудь в урасу на ночевку. Я шел сзади и в пургу не заметил, как они свернули со льда на остров.

— Но где же ты их мог потерять?

— Я и Саша шли за нартой каюра. Остальные должны были выехать со второй нартой на другой день после нас. В последний раз мы отдыхали на базе Толля. Только выехали оттуда, началась пурга. Каюр уехал вперед на собаках. Мы с Сашей шли на лыжах. Но встречный ветер мешал нам идти. Тогда я бросил лыжи и пошел пешком по следу нарт. Саша отстал. Я думал догнать нарты и вместе с ними вернуться навстречу Саше, но дошел до вас, так никого и не догнав, — растерянно закончил свой рассказ Борис.

— Ты что же, так и протопал все семьдесят километров без отдыха навстречу ветру? — с удивлением спросил радист.

— Значит так, — как-то вяло ответил Борис. У него был страшно усталый вид. Мы раздели его, уложили в спальный мешок, и он сразу заснул.

Но нам было не до сна. Приход Бориса еще больше встревожил нас. За каюра с собаками мы не волновались — он мог свернуть в стан Петра, чтобы переждать пургу. Но где Саша? Возможно, он сильно ослабел, если отстал от Бориса, и может замерзнуть. Метель не унималась, и не было признаков, что она скоро стихнет.

Я решил идти им навстречу с запасом продовольствия. Уложил в рюкзак килограммов двадцать мороженной рыбы, наладил лыжи и пустился в путь. Метель бушевала с огромной силой. Уже ничего нельзя было различить — ни земли, ни воздуха, ни неба — один снег, несущийся вихрем с востока на запад. Попутный ветер тащил меня вперед с такой скоростью, что я еле успевал направлять лыжи между жесткими застругами. Слева изредка были видны темные обрывы берега.

Перед выездом я заметил время. Через десять минут я был уже у второго мыса. Это пять километров. Вот это скорость! Остановился, чтобы поправить шарф — за шею набивался снег. В тот момент, когда я застегивал шарф, ветер вырвал у меня из рук рукавицу и унес вместе со снежной пылью. Я бросился за рукавицей, но впереди ничего не было видно — кругом снег, точно густой туман. Рукавицы у меня двойные: на меховые надеты брезентовые. Чтобы не отморозить руку, снял с оставшейся меховой рукавицы брезентовую, но и ее тут же подхватил ветер. Я понесся за ней. Через двадцать метров ее прибило к подветренной стороне, и тут же оказалась моя вторая рукавица. Повезло. Иначе пришлось бы возвращаться обратно чуть не ползком, против ветра, и я рисковал бы отморозить голую руку.

Через сорок минут я был уже у урасы Станчик (двадцать километров). Тамбур был так забит снегом, что я едва открыл дверь. Внутри никого не было. Холодные, голые наклоненные стены покрыты инеем. В два небольших отверстия в стене вставлены льдинки. Сквозь них пробивается мутнобелый свет. Посередине на камнях стоит железная печка. Около нее аккуратно сложены дрова и сухая стружка — растопка. Хороший обычай у промышленников оставлять жилище в таком виде, чтобы каждый, кого застанет непогода, мог быстро растопить печку, обогреться и обсушиться. В промысловых избушках всегда прибрано, заготовлены сухие дрова, на видном месте лежат спички, свечи, и даже можно найти некоторые запасы продовольствия: муку, консервы, мороженое мясо или рыбу.

Никем не писанный закон, сложившийся в условиях суровой природы, гласит: «Что не нужно — не бери. Помни всегда, что другой может оказаться в более худших условиях, чем ты». И этот закон строго соблюдают промышленники. Если что-нибудь взято из чужого, всегда оставляется записка. Мы ни разу не наблюдали пропажи какой-либо вещи. За время наших скитаний по островам нам приходилось в разных пунктах оставлять инструменты, приборы, продовольствие, но никто их не трогал, хотя, возвращаясь, мы часто находили в этих местах следы людей, побывавших здесь в наше отсутствие.

Людей, нарушающих эти обычаи, здесь презирают.

Мне ничего не нужно было в Станчике, и я пошел дальше. Береговая черта повернула на юг, теперь ветер

дул мне в левый бок. Лыжи сносило в сторону, и я часто падал. Я снял лыжи, поставил их в снег и пошел дальше пешком. К вечеру подошел к стану Петра. У дверей увидел заваленные снегом нарты. Собаки в сенях, почуяв мое приближение, подняли лай. Все в порядке — каюр и Саша находились здесь.

На другой день рано утром мы выехали к нашей станции и к вечеру благополучно добрались. Через два дня прибыла вторая партия. Метеоролог вполне здоров, лишь слегка прихрамывает. Он принял от меня метеорологическую станцию и стал здесь хозяином.

Два дня ушло на сборы к экспедиции в центр пролива Санникова. Мы разделились на две партии. Первая партия будет выполнять гидрологические работы между островами Малым Ляховским и Котельным, вторая пойдет к Земле Бунге, дальше, через остров Фаддеевский — в Благовещенский пролив и оттуда уже на юг, в центр пролива Санникова, где и должна быть выполнена пятнадцатисуточная станция наблюдений над течениями. Каюр предварительно свез в центр пролива Санникова нарту дров и установил там две большие палатки. В одной из этих палаток будет помещаться гидрохимическая лаборатория, и здесь были приняты все меры, чтобы в ней было тепло и по возможности сохранялась равномерная температура. Расстояние здесь небольшое, и, делая частые рейсы между островами, каюр смог доставить туда в достаточном количестве топливо и все необходимое для работы.

Во вторую партию вошли Леонов, Отпущенников и я. Нам предстояло пройти по льдам около четырехсот километров в одну сторону и столько же обратно, выполнить пятнадцатисуточную серию наблюдений над колебанием уровня, определить влияние приливной волны, идущей из Ледовитого океана и взять пятнадцатисуточную гидрологическую станцию к югу от острова Фаддеевского, на фарватере пролива Санникова. Задача не легкая. К счастью, Леонову удалось найти промышленника, который забросил часть нашего груза на Землю Бунге.

Первая партия полностью выполнила программу работ в западной части пролива и в июне благополучно возвратилась на Кигилях. О том, как прошло путешествие нашей второй партии в восточную часть пролива, мы расскажем дальше.

Попутный ветер поднимал поземок. Мы двинулись на двух собачьих упряжках с Малого Ляховского на Землю Бунге. Это было 20 апреля. День был солнечный. При морозе в тридцать градусов я обнаружил на некоторых выступавших льдинах со стороны южных склонов торосов следы таяния. Это уже результат действия солнечных лучей. Вот в одном месте слегка обтаял торос, и тяжелая капля воды, скатившаяся с одной из льдин, застыла на лету в морозном воздухе и повисла сосулькой. У подножия тороса блестит ледяная корочка наста, а под нею — темное пятнышко уже начавшего таять снега. Останавливаясь, делаю об этом краткие заметки в своей походной тетради. Отмечаю также расположение и вид торосов, их высоту, толщину снега.

За первый день прошли сорок километров. Заночевали в центре пролива. На другой день к вечеру показалась возвышенность на южном берегу Земли Бунге. Вдоль берега широкой полосой на отмелях протянулись барьеры ледяных нагромождений. Мы устали и решили еще раз заночевать на льду пролива.

На Землю Бунге прибыли 22 апреля. Нас поразило обилие плавника у береговой черты. Огромные горы бревен и целых деревьев с корнями накопило здесь море в течение десятилетий. Промышленники из этого леса построили себе большой дом, который сейчас пустовал — обитатели его уехали на Большой Ляховский на факторию.

Мы отдыхали здесь целый день. Я бродил по тундре с ружьем, стрелял куропаток. Они стайками перелетали с места на место в поисках пищи, уцелевшей прошлогодней травы на оголенных местах. Прошел по берегу, осмотрел простирающуюся вдоль него гряду торосов. У выдающихся в море мысов торосы достигают десяти-пятнадцати метров высоты.

На поверхности тундры признаки таяния более заметны. Черные, оголенные ветром возвышенные участки тундры служат прекрасными аккумуляторами тепла. Самый верхний слой почвы на солнцепеке слегка оттаивает, нога в этих местах оставляет ясный след.

После отдыха промышленник, который вез часть нашего груза, уехал обратно, а мы двинулись отсюда вдоль берега на восток с одной нартой, в которую были впряжены десять собак. Груз у нас увеличился — уже около пятисот килограммов. Собакам везти его было не под силу; чтобы помочь им, пришлось нам впрягаться самим. Скорость нашего продвижения была ничтожной — три километра в час.

Земля Бунге — это огромная песчаная равнина, незначительно возвышающаяся над уровнем моря. Улахан-Кумах называют ее промышленники-якуты, что означает Великие Пески. Лишь южный ее берег заканчивается небольшой возвышенностью.

Ровная, как стол, покрытый белой скатертью, однообразная снежная пустыня расстилалась перед нами. Ни одного темного пятнышка на ее поверхности. Только наша партия, вытянувшаяся цепочкой, нарушала это однообразие. Редко, редко наткнешься на бревно или корягу, но и они покрыты снегом.

Наконец, как облака на вечернем горизонте, засинели высокие берега острова Фаддеевского. Но еще долго пришлось нам брести этой снежной пустыней, прежде чем берега приняли ясные очертания. Мы снова вышли на лед, чтобы пересечь мелководный залив Геденштрома, отделяющий Землю Бунге от острова Фаддеевского.

Прошли вдоль изрезанной береговой черты, отыскивали промысловый стан — Кыржахас-Дже. Здесь тоже только следы пребывания промышленников — северные острова опустели. Зимний промысловый сезон кончился.

Белые куропатки

Залив Геденштрома покрыт ровным льдом. Он очень мелководен; летом по нему можно плавать только на мелкоосидающих бескилевых шлюпках-ветках. Вдали от берега я попытался пробить лунку во льду, но через сто двадцать сантиметров уже наткнулся на песчано-галечное дно. Воды залива к середине зимы промерзают до дна.

После суточного отдыха пошли дальше на восток вдоль южного берега острова Фаддеевского. Первые три часа после отдыха собаки бежали дружно, но скоро утомились от непосильного груза и начали часто останавливаться. Пришлось нам снова надеть лямки. Нагнувшись вперед всем корпусом, медленно тянули нарты, оставляя за собой в снегу глубокие ямы от ног.

Мы намеревались остановиться у стана Кожевина, но прошли уже обозначенное на карте до этого пункта расстояние, а никаких строений все не видно. Промышленники называют этот стан — ураса Подполье, очевидно, потому что ураса находится под землей. Кругом все так было занесено снегом, что мы решили не тратить времени на поиски, а двигаться дальше. Обогнули последний юго-восточный мыс и повернули на северо-восток вдоль берега Благовещенского пролива в надежде найти здесь какое-либо строение.

Начиная от мыса Кожевина, встречали приливные трещины шириной до одного метра, вызванные здесь большими амплитудами приливо-отливных колебаний уровня. Осенью, когда море покрывается льдом, у самого берега лед примерзает к грунту. Приливная волна, идущая из океана через каждые шесть часов, то поднимает, то понижает уровень моря. Вместе с ним поднимается и опускается лед. Но сила приливной волны недостаточна, чтобы оторвать лед, примерзший к грунту. В результате таких периодических колебаний льда на некотором расстоянии от берега и образуется трещина. Мористее этой трещины лед как пловучее тело совершает вертикальные колебания вслед за уровнем воды. Между берегом и трещиной лед остается неподвижным. В течение зимы образуется последовательно несколько таких трещин, которые тянутся вдоль берега параллельно одна другой. Эти трещины как бы очерчивают линию равных глубин, соответствующую в данное время равной толщине льда, так как лед на этом участке лежит на грунте и примерз к нему.

В конце зимы, когда нарастание льда идет медленно, трещина становится устойчивой. Пространство между берегом и приливной трещиной называют подошвой припая.

На некотором расстоянии от берега виднелись гряды торосов; местами на подводных отмелях были видны крупные нагромождения — целые ледяные горы. Эти ледяные глыбы сидят на самом дне. Такие нагромождения, сидящие на мели, называются стамухами. Этот термин так же, как и многие другие термины, обозначающие различные ледовые образования, перешел в литературу от беломорских поморов.

Осмотрев несколько стамух, я обнаружил, что вокруг них также проходит приливная трещина. Летом, когда лед приходит в движение и начинает разрушаться, стамухи еще долго остаются неподвижными, выполняя роль маяков, обозначающих подводные отмели-банки. Лишь поздним летом, когда тепло ослабит льдину и морские волны подточат ее основание, стамуха всплывет и распадется. Но некоторые массивные стамухи существуют по нескольку лет, и лишь жесточайший шторм разбивает их до основания.

Наконец, после 28 часов непрерывного пути мы остановились в урасе, расположенной у устья небольшой речки, стекающей в море с острова Фаддеевского. Сейчас видна была только долина речки, занесенная снегом. В урасе не оказалось железной печки. В центре ее был расположен лишь небольшой камелек из камней, а для выхода дыма в потолке имелось четырехугольное отверстие.

Разожгли огонь в камельке. Едкий дым заполнил урасу, и мы вынуждены были сидеть, низко пригнув головы, чтобы дым не ел глаза.

Вид у нас был далеко не блестящий: в потрепанной, засаленной одежде, черные от загара и копоты, с осунувшимися, обросшими лицами.

Но мы не унывали. Цель достигнута. А все остальное — пустяки.

Вспомнили, что близко Первое мая. Мы постарались привести себя в праздничный вид. Побрились, починили обувь и одежду. На верхушке урасы водрузили красный флаг.

Вскоре Леонов и я двинемся на лед — в центр пролива Санникова. Отпущенников останется, будет следить за работой мареографа, делать контрольные отсчеты по футшточной рейке, наблюдать ветер, температуру, давление и влажность воздуха.

Пока мы возились с установкой всех приборов, Леонов сортировал и подсчитывал груз. Мрачным тоном он сообщил мне, что случилось несчастье: бидон с керосином, привязанный к нарте, немного протекал, и в нем вместо сорока литров керосина осталась только половина. Это очень плохо, ведь керосин — наше основное топливо при работах вдали от берегов. Положение с продовольствием было также неблестящим: вместо запланированных восьми дней пути до Фаддеевского, мы потратили почти вдвое больше времени.

— Ну, что же, придется перейти на голодный паек. Как, выдержите? — спросил меня Леонов.

— Конечно! Не возвращаться же обратно, не выполнив работы. Пережили много — переживем и это, — ответил я.

— Петро! — обратился Леонов к Отпущенникову, — тебе мы оставляем мало продовольствия. Распределим его равномерно, чтобы хватило на двадцать дней до нашего возвращения.

— Обо мне не беспокойтесь. У меня здесь остаются местные ресурсы — вон вокруг летают куропатки, а скоро прилетят гуси. Ружье у меня есть, времени свободного много. Вернетесь, накормлю вас дичью, приготовлю уж отменное угощение, — оптимистически заявил наш неунывающий Петр Николаевич.

4 мая мы выехали с Фаддеевского на юг. Семьдесят километров надо было пройти нам по льдам пролива до места работы и столько же обратно.

Дул резкий юго-восточный ветер, шел слабый снег, временами проходили заряды тумана. Вначале встречались только отдельные торосы; собаки после отдыха бежали хорошо, хотя груза на нарте было больше трехсот килограммов и в основном — все приборы. Выбирая ровные ледяные поля, мы первые семнадцать километров проехали легко, но потом пошло хуже: мы попали в полосу мелких частых торосов. При сером небе, однообразном молочно-белом освещении, когда нет никаких теней, трудно разглядеть неровности даже на расстоянии пяти

метров. Нарты мы вынуждены были тащить вместе с собаками. Часто приходилось вытаскивать нарты из рыхлых сугробов, а местами почти перетаскивать их через ледяные нагромождения. То и дело останавливались, попадая в лабиринт торосов. По очереди шли впереди, выбирая наиболее ровные участки.

Трое суток занял у нас этот тяжелый семидесятикилометровый путь с двумя длительными остановками на отдых.

Приехали. Выбрали место посередине огромного ровного поля, выдолбили две лунки, установили приборы и над ними поставили палатку. Лунка в центре нашей палатки диаметром в метр, а рядом с ней вторая — небольшая лунка. Это и будет нашим жилищем.

Вдоль второй стены палатки поставили нарту, которая служила нам кроватью. Стены палатки, чтобы не продувало, обложили снегом. В качестве стульев и столов использовали ящики из-под приборов.

8 мая с 12 часов дня приступили к наблюдениям. Наблюдения мог вести один человек. Поэтому сутки мы разбили на две вахты по двенадцать часов — двенадцать часов я наблюдаю, Леонов спит, потом я сплю, Леонов наблюдает.

В палатке тесно: приборы, вещи, а рядом вода в лунке. Однажды, раздеваясь, я неосторожным движением спихнул один валенок в лунку. Тут же туда полетели рукавица и другие мелкие вещи. Леонов, лежа в спальном мешке, курил трубку и наблюдал эту сцену. Наконец, он не выдержал и сердитым голосом начал мне объяснять различие между сушей и водой. Немного смущенный вполне заслуженным выговором, я заснул.

Проснулся от громкого ворчания и ругани. Открыл глаза и вижу: выживая из воды свои меховые чулки, Леонов сам себя ругает. Я не выдержал и расхохотался. Он сначала хмуро взглянул на меня, но тут же добродушно рассмеялся.

Обычно с утра я вставал и приступал к наблюдениям. Леонов кормил собак и варил кашу — на завтрак, обед и ужин. После такого обеда я съел бы еще раз в пять больше, но нельзя — все рассчитано на граммы и приходится довольствоваться этим полуголодным пайком. Зато в огромном количестве пьем кофе, какао, правда такую роскошь можем себе позволить лишь раз в сутки — мало керосина.

Середина мая, а в ночные часы температура воздуха у нас падает даже ниже минус двадцати градусов, хотя и в это время продолжает светить солнце, проходя почти у самого горизонта. Наступил полярный день. За дневные часы температура в палатке поднимается до плюс пяти-десяти градусов, и вода в лунке поэтому не замерзает. Решили воспользоваться этим и сократить до минимума расход керосина.

Но как ни экономили керосин, он убывал с ужасающей быстротой. Мы все чаще задавали себе вопрос: какой же найти выход? Свернуть все хозяйство и отправиться обратно? Мы отгоняли от себя эту мысль. Сколько труда, энергии затрачено, чтобы сюда добраться, и после этого уехать ни с чем! Нет, это для нас не выход!

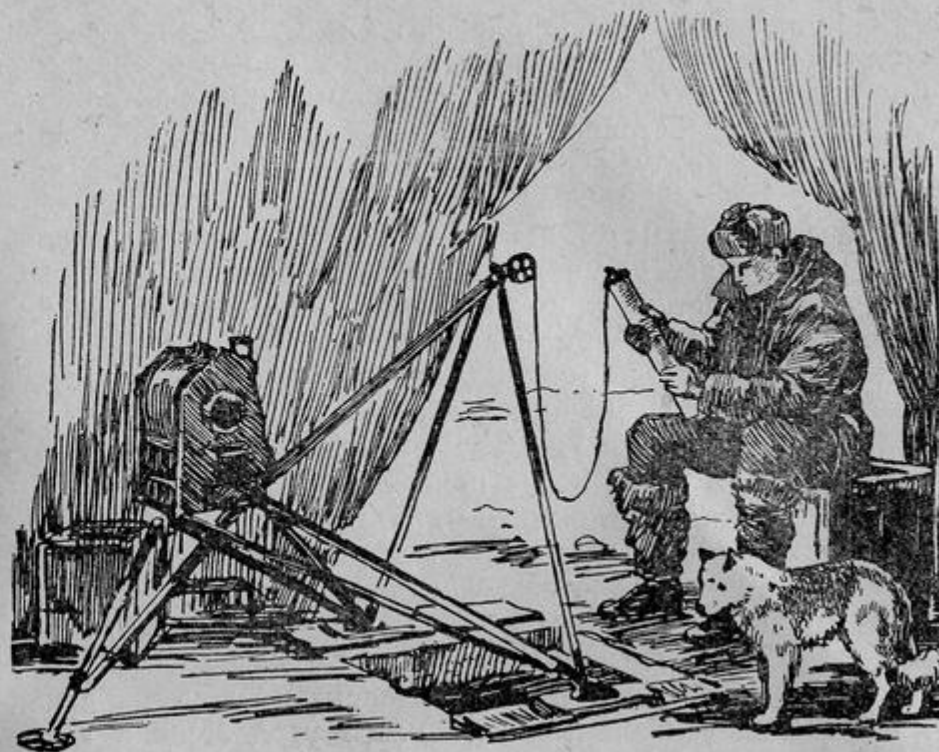
Решили продолжать работу. Чтобы сберечь остаток керосина, отказались даже от горячего чая и кофе, и воду растапливали из снега, выставляя кастрюлю на темной одежде в дневные часы под яркие лучи солнца. Как это ни парадоксально, вода для нас здесь, в открытом море, стала проблемой, точно в пустыне. Но это не страшно, пока есть солнце и кругом достаточно снега. Однако керосин продолжает угрожающе убывать. Тогда мы вспомнили, что у нас еще есть ящики из-под приборов. Пустили их в ход. Это дало нам возможность сберечь два литра керосина на обратный путь до Фаддеевского.

Вскоре кончились сухари. В нашем запасе осталась только гречневая крупа, немного яичного порошка и муки. Леонид Иванович ухитрился и из этих продуктов готовить каждый день новое блюдо.

Недоедание давало себя чувствовать, но мы старались не показывать друг другу своих ощущений.

На моих глазах заметно похудел Леонов. Собаки сильно отощали, мало дрались и большую часть времени лежали у стенки палатки, переходя за солнцем от одной стены к другой.

Как заведенный часовой механизм, продолжали мы свои непрерывные наблюдения. Каждый час опускали вертушку на два с половиной метра (сразу под льдом), семь и десять метров, через полчаса записывали отсчеты уровня по рейке, а через три часа на те же глубины, что и вертушку, опускали батометры с глубоководными термометрами для взятия проб воды и определения ее температуры.

В палатке у гидрологической лунки наблюдения велись круглые сутки

Увлеченные занятиями, мы забывали о своем положении, которое день ото дня становилось все тяжелее. Нас поддерживало только сознание, что силы и энергия расходуются не напрасно.

На наше счастье — тихая солнечная погода. Днем крыша палатки нагревается настолько, что можно сидеть в одной рубашке. Тишина кругом поразительная. В короткие перерывы между наблюдениями выхожу из палатки. Чистый, совершенно прозрачный воздух, голубое, безоблачное небо. Снег и льды искрятся в ярких лучах северного майского солнца. Ни одного живого существа на десятки, даже на сотни километров. Один только раз прилетела пуночка, полетала, почирикала у нашего лагеря и улетела.

Мысли наши далеко-далеко. На юге уже в полном разгаре зеленая весна: цветут черемуха, вишня, яблоня. Какой далекой кажется нам здесь обычная домашняя жизнь.

Обилие света и неподвижный теплый воздух в палатке создают ощущение знойного летнего дня, и временами мне кажется, что я слышу жужжание мухи под потолком. Но это тоже действие тишины — мух здесь не может быть: температура воздуха в тени еще около минус десяти градусов.

На двенадцатые сутки низко, над самыми льдами, над нами показалась шумная стая гаг. Но прошумев крыльями, птицы улетели прямо на север — в Благовещенский пролив. Значит и в самом деле весна!

Гаги первые из водоплавающих птиц появляются в этих местах. Очевидно, к северу от Фаддеевского и Новой Сибири имеются уже большие участки свободной от льда воды. Позднее, когда появится вода у берегов, они расселятся по всем островам. Это тихоокеанские гаги. Ранней весной они прилетают сюда с тихоокеанского побережья, а поздней осенью, когда лед закрывает поверхность моря, они улетают туда, где вода свободна от льда и они могут найти пищу.

На следующий день появилась и другая дичь. Я спал крепким сном. В восемь часов утра Леонид Иванович тихим голосом разбудил меня из-за стенки палатки:

— Алексей Федорович! не пугайтесь выстрела — в лунке нерпа. Я открыл глаза: из лунки торчали усы и нос кольчатой нерпы с настороженными любопытными глазами. Но как только Леонов, осторожно откинув полу палатки, вынул винтовку, она нырнула, окатив нас фонтаном брызг. После этого случая при работе над лункой мы не забывали класть поблизости карабин. Но нерпа больше уже не приплывала.

Гаги

— А жаль, — огорчался Леонид Иванович, — какой вкусный паштет можно было бы приготовить из нерпичьей печонки! Я бы

и спать не ложился, а сделал чукотский жирник и на нем стал готовить. Тогда бы и на собаках можно было домой возвратиться со свистом.

Наши мечты имеют разную направленность. Воображение Леонова большей частью рисует перед ним гастрономические картинки, а я мечтаю о зелени, о тепле.

— Хорошо бы сейчас загорать где-нибудь под лучами знойного солнца на зеленой лужайке, — говорю я, быстро залезая в меховой спальный мешок после очередной вахты. — А помните, в прошлом году в это время мы ехали вниз по Лене и иногда даже купались?

— А как хорошо, — в тон мне продолжает Леонов, — после купания зайти в ресторан, съесть свиную отбивную и выпить кружку пива.

22 мая рано утром Леонов разбудил меня и сообщил, что температура воздуха даже в ночные часы не упала ниже нуля, а сейчас, рано утром, уже плюс четыре градуса. Он ходил к торосам и обнаружил, что там, у южных склонов под снегом скопилось много воды. Снег сделался рыхлым. Температура воздуха будет теперь повышаться с каждым днем и может так развести, что нам при наших ослабевших силах и с отошавшими собаками отсюда и не выбраться. Решили в ночь сниматься и двигаться в обратный путь. Днем температура воздуха поднялась до плюс восьми градусов.

Я продолжал вести наблюдения до последнего момента, Леонов же, немного отдохнув, стал укладывать приборы и вещи на нарту.

В час ночи 23 мая, когда стало подмораживать, мы закончили наблюдения и тронулись. Четырнадцать с половиной суток непрерывных наблюдений! По намеченной программе следовало бы наблюдать еще двенадцать часов, но задерживаться сейчас было слишком рискованно.

Лучше всего было идти по нашему старому следу, но он покрылся толстым и рыхлым слоем инея. Очень интересное явление. Ведь пока мы находились на станции, небо было совершенно безоблачным, а снежный покров непрерывно нарастал. Ровным, мягким и пушистым ковром покрыл он старый, жесткий, слежавшийся снег. О причине такого обильного выпадения инея в виде пушистых кристалликов снега нетрудно догадаться. Принесенные сюда из более южных районов теплые массы воздуха, соприка-

саясь с холодной снеговой поверхностью, охлаждаются и, достигнув предельной относительной влажности, выделяют большое количество паров влаги. Под влиянием охлажденной поверхности эта влага и превращается в твердую фазу — иней. Этот иней, повидимому, играет большую роль в накоплении осадков на ледяном покрове.

Чтобы облегчить для истощенных собак нарты, нам пришлось оставить все, что не представляло ценности. Как только мы тронулись в путь, застоявшиеся на одном месте собаки, почуяв, что возвращаемся домой, пошли очень резво. Леонов отстал, а я шел с нартой по едва различимому старому следу. Пришлось надеть защитные очки: обилие света раздражало слизистую оболочку глаз. В 6 часов утра начало припекать солнце, снег сделался влажным. Слой льда, намороженный нами на полозья перед отъездом, стал отставать и скольжение их заметно уменьшилось. Собаки сразу сдали — едва тащились. Я надел лямку и стал тянуть вместе с ними. Стало очень жарко и тяжело.

Вдруг собаки нервно залаяли и завизжали и, нюхая воздух, понеслись вперед, несмотря на тяжелую дорогу. Я едва успел прыгнуть на нарту. Вижу впереди слева к нашему пути сворачивает широкая тропа. Первой моей мыслью было, что это, может быть, разыскивают нас в проливе наши товарищи или промышленники. Но, подъехав, увидел, что это тропа целого семейства медведей. Один след крупный, два поменьше. Повидимому, сегодня утром здесь прошла медведица с двумя маленькими медвежатами. Следы совершенно свежие, даже не запорошенные обильно выпадавшим в ночные часы инеем. Отпечаток лапы медведя очень похож на отпечаток уродливой человеческой ступни.

Я остановил нарту, но винтовка у Леонова, а он отстал. Солнце между тем припекает все сильнее. Днем дальше двигаться будет невозможно. Леонов подошел только через два часа, усталый, весь в поту. Рассмотрели следы. Догнать бы эту семейку и подстрелить хотя бы одного! Это было бы нашим спасеньем. Но собаки наши так слабы, что об этом нечего и думать. Решили так: Леонов остается здесь, поставит палатку и вместе с собаками будет отдыхать до вечера. Я возьму винтовку, патроны и пойду с одной из наших наиболее сильных собак — Моряком вперед по следу за медведями. Так и сделали.

Семейство белых медведей

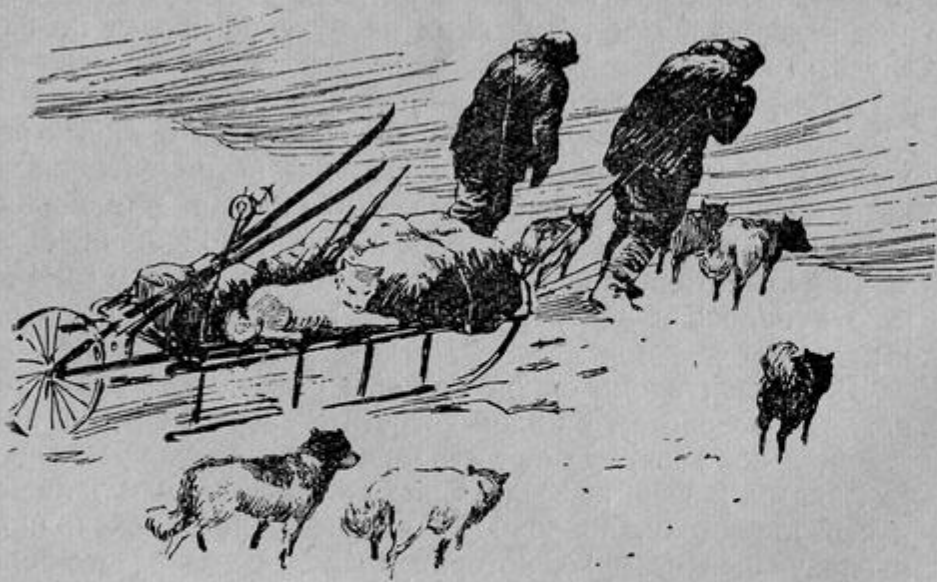
Через два километра медвежьи следы свернули с нашего курса на восток. Местами медведи бродили среди торосов, разрывая кучи снега, повидимому, искали какие-либо остатки пищи. Наконец, впереди я увидел огромную, похожую на гору, стамуху. Следы вели прямо к ней. Моряк, нюхая воздух, крепко натянул веревку, за которую я держался, и тянул меня на буксире вперед по их следам.

Так мы прошли около десяти километров, пока подошли к этой стамухе, которая оказалась в диаметре около полутора километров и высотой пятнадцать-двадцать метров. Стамуху окаймляла широкая приливная трещина, которая местами образовала у подножия стамухи целые озера воды. Судя по следам, здесь все семейство купалось в воде, маленькие медвежата возились, играли.

Я прошел вдоль одной стороны стамухи до края, за каждым поворотом ожидая встретить зверей. Но вот последняя полынья, где они купались; все кругом утоптанно их лапами, а звери исчезли. Следы их отсюда шли дальше к северо-востоку, по ровному ледяному полю, очевидно, к следующей стамухе, которая виднелась на расстоянии десяти-двенадцати километров. Но я сильно устал и ослабел от голода. Забрался на верши у стамухи и в бинокль

стал смотреть в том направлении, куда вели следы. На расстоянии двух-трех километров я разглядел все семейство. Маленькие медвежата желтовато-белыми комочками катились по снежной поверхности, большая медведица степенно шла за ними. Я выстрелил. Медведица присела, потом огромными прыжками взобралась на вершину одного из торосов и стала нюхать воздух, осматривая горизонт. Я выстрелил второй раз. Самка после этого спрыгнула с тороса и побежала к медвежатам, которые беззаботно кувыркались в снегу. Медвежата поднялись и побежали в разные стороны. Медведица догнала одного из них, ткнула в него мордой, повидимому, приглашая его следовать за ней, побежала ко второму медвежонку и так сильно поддала его лапой, что он несколько метров катился по снегу, как мячик. Тесно прижавшись к самке, они побежали дальше. Вскоре они скрылись в лабиринте торосов. Итти вслед за ними дальше было рискованно: я чувствовал, что у меня не хватит сил вернуться.

Едва дотащился по вязкому мокрому снегу до палатки. Отлежался в спальном мешке. Немного подкрепились очередной порцией гречневой каши, из остатков муки и животного сала сварили корм собакам и легли отдыхать, забывшись на несколько часов в беспокойном сне.

Мы выбились из сил, отвоевывая каждый метр пути

Двинуться дальше смогли только к вечеру 24 мая, когда стало немного подмораживать. Больше остановок нельзя было делать. Оставшиеся до берега сорок два километра нужно было покрыть за один переход.

С нечеловеческим трудом пробираясь среди торосов в глубоком вязком снегу, мы каждый шаг отвоевывали у пространства. Наконец, показались берега острова, но как долго мы шли до них! Через каждые сто-сто двадцать метров мы ложились на снег и несколько минут отдыхали. Собаки сдавали одна за другой. Упадут носом в снег и не хотят подниматься. Мы их отстегивали и пускали на свободу. Они едва плелись по нашему следу. Первым сдал наш лучший пес Мальчик. Получая одинаковые порции наравне с другими, более ленивыми собаками, он не раз тащил нарту один и больше всех отощал. Вначале он шел как-то боком, повисая на ляжке, потом ткнулся носом в снег, не смог подняться и лежал, беспомощно перебирая ногами. Я поднял его, но, пройдя несколько шагов, он снова упал. Я отстегнул его от упряжки и пустил на свободу. Он поплелся в упряжке, по привычке стараясь занять свое место рядом с остальными собаками, и этим только мешал движению. Я отвел его назад. Метров двести он плелся за нартой, а потом выбрал место в небольшом углублении в снегу и лег. Я позвал его, но всегда послушный, он на этот раз не двинулся с места. Я вернулся к нему. Взор его выражал бесконечную тоску и усталость. Снова я поднял его и привязал за ошейник сзади нарты. Но как только нарты на минуту останавливались, он снова ложился и не хотел вставать. Положили его на нарту. Вскоре все собаки, за исключением трех, плелись сзади. Нарту мы тащили сами.

Добравшись до полосы ровного льда, окаймлявшей берег, мы решили все приборы оставить на льду и налегке добраться до урасы, где оставался Отпущенников. Я нашел лыжи, оставленные здесь раньше, и пошел быстрым ходом к берегу. Леонов с пустыми нартами и собаками плелся сзади. Вот и берег острова. На его поверхности огромные черные пятна — поляны, где полностью растаял снег.

В уресе мы нашли печальную картину. Мы надеялись, что Отпущенников, как он обещал, настрелял дичи на берегу, но увы — он сам был в состоянии еще более тяже-

лом, чем мы. У него началась цынга. Он не мог уже ходить, в последние дни еле двигался.

Привожу выдержки из его дневника, который он вел в наше отсутствие:

22 мая. С 14 мая, кроме соли и чая, не имею никаких продуктов. Охота дала за все время четыре куропатки и одну сову, которых я съел без остатка. Голодаю, голод настолько силен, что съел лапу и череп песка, предварительно проварив их. С каждым днем все меньше надежды убить дичь и утолить голод. Для этого нужно много ходить. Но из-за слабости от голода далеко ходить по тундре не могу.

С наблюдениями пока справляюсь, но возвращаюсь от мареографа в урасу с сильным сердцебиением.

23 мая. В шесть часов утра к мареографу дошел с большим трудом — одышка, головокружение, а на обратном пути один раз впал в обморочное состояние. В полдень итти к мареографу было еще тяжелее, но необходимо было сменить ленту. С большим трудом сделал это. Мареограф работает безукоризненно.

24 мая. Положение с питанием не улучшилось. Пршлой ночью удалось подстрелить подорожника — это все мое питание за полутора суток. Слабость с каждым часом все увеличивается, икры ног стягивает, боюсь, что у меня начинается цынга. Наших со льда до сих пор нет. Снег сильно подтаивает. Четыре раза в сутки ходить к мареографу не могу, решил ограничиться двухкратным посещением.

25 мая. Подстрелил трех полярных подорожников, сварил из них бульон и этим немного подкрепил свои силы. Кончился чай. Осталось всего 8 спичек. Значит, в лучшем случае хватит развести костер восемь раз.

Едва хватило сил добраться до мареографа. Сильный ветер несколько раз валил с ног. Сегодня сварю бульон из свиного глаза, который я до сих пор не варил из брезгливости, и он валялся в мусоре вместе с обглоданными костями. Завтра начну варить оленью шкуру, которой обшита дверь урасы. К мареографу буду ползать до тех пор, пока не покинет сознание.

Наконец-то сегодня в 6 часов вечера приехали со льда мои товарищи. Они в более бодром состоянии, чем я. Ну, теперь все в порядке».

Настроение наше упало. Никаких признаков цынги или болезненного состояния ни у меня, ни у Леонова не было; мы чувствовали в себе силы перейти пролив и добраться до станции на Малом Ляховском. Но как быть с Отпущенниковым? Итти самостоятельно он не мог, а наши истощенные собаки его не довели бы.

Нужно было искать какой-то выход. Леонов обшарил все мешки и нашел несколько граммов жира и еще кое-какие крохи, сварил какой-то бульон и стал им кормить Петра Николаевича. Я взял двухстволку и пошел бродить по тундре в надежде подстрелить какую-нибудь птицу. Мне повезло — я подстрелил двух куропаток. Даже эта мелкая добыча несколько улучшила наше положение. Подкрепившись, на другой день я пошел на лыжах вдоль берега пролива Благовещенского, на север к мысу Песцовому, где была основная зимняя база промышленников. Здесь я надеялся найти какие-либо остатки съестного. В большой, просторной урасе я действительно нашел килограмма два муки, медвежью лапу, изрыл все кругом и набрал целый рюкзак костей с остатками мяса. Вернулся крайне утомленный, но довольный результатами своего похода.

Каждая кость вываривалась тщательным образом, до такого состояния, что в баке получался студень. Это была хорошая, питательная пища. Наелись сами и накормили собак. Собаки сразу повеселели. Только Мальчик, лежавший все время в урасе неподвижно, ничего не хотел есть. Он был безнадежен. Решили его пристрелить, хотя всем было жаль нашего работающего друга.

Охота на куропаток в глубине острова немного ободрила меня. Убил трех куропаток и двух пуночек.

Речки не вскрылись, озера также были покрыты еще льдом, поэтому никаких следов водоплавающей дичи я не встретил.

Когда я вернулся, труп собаки был уже разделан. Мне рассказали, что собаки сначала не хотели есть внутренности. Но через час, когда они остыли, собаки съели все начисто и сейчас, лежа у стен урасы с раздутыми животами, блаженно дремали.

На очаге варилось целое ведро супа из собачины.

Приступая к еде, мы с большим трудом преодолевали чувство брезгливости, но потом нашли, что собачье мясо по вкусу сходно с говяжьим. Правда, оно было сухое,

но зато мы в первый раз за последнее время наелись досыта.

Благотворно подействовала эта пища на Отпущенникова. У него появился прекрасный аппетит, стали проходить признаки цынги, он снова стал жизнерадостным и подвижным.

29 мая ночью слегка подморозило. Мы тронулись в путь. Леонов и я шли вместе с нартой. По дороге захватили приборы, оставленные нами на льду. Отпущенников на лыжах пошел впереди нас вдоль берега острова.

У мыса Кожевина я оставил Леонова одного с нартой и пошел по берегу острова добыть что-нибудь на обед. То тут, то там на темном фоне прогалин виднелись стайки куропаток по шесть-десять штук. Но куропатки чрезвычайно пугливы, и нужно было много терпения, чтобы осторожно подойти к ним на расстояние выстрела. Мне удалось убить только двух птиц. Появились и чайки. Поодиночке они сидели над обрывами, но еще задолго до моего приближения снимались и улетали в более безопасные места.

Целью моего похода была не только охота. Мне хотелось обнаружить стан Кожевина, или, как его называют промышленники, урасу Подполье, которую мы так и не нашли, когда ехали к Благовещенскому проливу. Я внимательно осматривал все кочки, все темные предметы на однообразной, местами вязкой поверхности острова. Было пасмурно, низкие серые облака закрывали все небо. Рельеф при этом однотонном, сером освещении имел неясные, расплывчатые очертания.

Я спустился в широкую долину между двумя обрывистыми мысами. Вдали от берега виднелась большая темная кочка, наверху ее лежали какие-то предметы. Подошел ближе — разглядел сломанную нарту, палки, обрывки веревок и шкур. Несомненно, этот холм — искусственное сооружение. Передо мной, очевидно, был стан Кожевина. Вход занесен снегом. Лопатой, которую я обнаружил тут же, проделал небольшую дыру и спустился в тамбур — небольшую пристройку в виде коридора. В урасе темно, две небольшие застекленные дыры в стене, засыпанные снегом, пропускали слабый свет в это подземелье. Через некоторое время, когда глаза привыкли к этому сумраку, я осмотрел внутренность урасы. Это было просторное помещение с настилом из бревен,

вдоль стен располагались шесть бревенчатых коек. На полке у темной печки лежали пачка свечей и две пачки махорки.

Курево у нас давно вышло. Последнее время мы употребляли разные суррогаты: байховый чай, после которого кружилась голова и сильно стучало сердце, мох, надерганный из стен урасы, и даже наструганное дерево. От отсутствия табаку мы страдали, пожалуй, больше, чем от голода.

Я засунул в карман эту драгоценность, написал записку, которую положил на полку, и покинул урасу. Нарта, конечно, ушла уже далеко вперед.

Стоял густой туман, временами падал мокрый, рыхлый снег, в котором вязли ноги.

Через шесть-восемь километров догнал Леонова с нартой. Приятно поразил его преподнесенной пачкой махорки.

Мы шли уже четырнадцать часов. Мокрый, вязкий снег сильно тормозил ход нарты, собаки устали от непосильной работы. Тогда мы сами впряглись в нарту и зашагали. Ослабевшие собаки еле плелись. Неожиданно упал наш лучший пес — красавец Моряк. Молодой и сильный, он был нашим любимцем. Судьба его не совсем обычна для полярной собаки. Еще молодым щенком он был вывезен каким-то полярником в Ленинград, там вырос в большую красивую собаку с сильной грудью. Перед отправкой в экспедицию Отпущенников купил эту сибирскую лайку. Своей силой и острыми клыками Моряк быстро завоевал себе первенство среди других собак. Испытав раз на себе его клыки, они уже не вступали с ним в драку и удирали со всех ног, оставляя в его распоряжении свою добычу. А если не успевали удрать, то ложились на спину и поднимали лапы вверх в знак полной покорности, а он величественно ставил переднюю лапу на голову покорившемуся псу и потом проходил мимо. Собаки ненавидели его, боялись и жестоко отомстили ему, когда он оказался слабее их.

Все чаще и чаще падал Моряк. Я поднял его и отвязал. Он поплелся сзади, часто останавливаясь и покачиваясь от слабости, тогда я посадил его на нарту. Сначала он покорно лег, но, отдохнув немного, встал и так, стоя, проехал несколько километров. Наконец, мы прибыли в урасу, где оказался один из промышленников, возвратившийся с запасом продовольствия и снаряжения

с основной базы промыслово-охотничьей станции. За день до нашего приезда он убил крупного дикого оленя.

Отпущенников, который шел налегке, на лыжах опередил нас на несколько часов и к нашему приходу приготовил нам роскошный обед. Мы распрягли собак и отпустили их на свободу. Моряк, свернувшись клубочком, лег у входной двери. Остальные собаки, почуяв, что он бессилен, набросились на него. Услышав дикий шум, визг и лай, мы выбежали из урасы и разогнали свору пинками и палками. У Моряка был распорот бок, с морды его капала кровь. Жалобно повизгивая, он подполз к моим ногам, как бы ища защиты. Защищался он храбро — многие из нападавших на него псов зализывали сейчас свои раны. Но опоздай мы на одну минуту, они растерзали бы его. Моряка взяли в урасу, перевязали его раны. Благодаря тщательному уходу и хорошему питанию его молодой организм быстро поправился, раны затянулись буквально на другой день, а через два дня он расправился поодиночке со своими противниками, задав им хорошую трепку, и снова восстановил свои права.

Дальнейший наш путь лежал через Землю Бунге к ее южной оконечности. Этот переход мы совершили сравнительно благополучно в двое суток при непрерывном то морозящем, то ливневом дожде. Но я пренебрег основной мерой предосторожности, необходимой в весеннее время в этих краях, — не надел защитных темных очков. За эту небрежность я жестоко поплатился. Несмотря на то, что небо было пасмурным, обилие света, отраженного и рассеянного снегом, произвело сильное раздражающее действие на слизистую оболочку глаз. Двое суток я пролежал после этого перехода в большом доме, на Земле Бунге с завязанными глазами. Острая режущая боль в глазах не давала мне возможности забыться сном. Как будто в глаза была брошена горсть песка. Непрерывным потоком текли слезы. Только через двое суток я снова мог смотреть на дневной свет.

Снежная слепота, или фотоофтальмия, появляется в результате ожога глаз ультрафиолетовыми невидимыми лучами, рассеиваемыми снеговым покровом. Я убедился на собственном опыте, что ею легче всего заболеть не в ясную солнечную погоду, а в пасмурную и даже в туманную. При ярком солнечном освещении в походе инстинктивно при-

крываешь глаза ресницами, поэтому в них меньше попадает раздражающего света. В пасмурный же день, при однотонном освещении, чтобы лучше разглядеть неровности, наоборот, широко раскрываешь глаза. Говорят, что этой болезнью скорее всего заболевают люди, впервые попавшие в Арктику весной. Но это неверно. Мне приходилось встречать и промышленников, у которых эта болезнь принимала хронический характер. Люди, пробывшие в Арктике много лет и наученные горьким опытом, обычно более осторожны и не забывают весной предохранять глаза любым способом. Правда, некоторые заболевают сразу же после короткого пребывания на снегу, другие — после нескольких часов. Но это, вероятно, зависит от индивидуальной восприимчивости слизистой оболочки глаза. Я встречал одного промышленника, прожившего много лет на Новосибирских островах, который не носил защитных очков, не принимал никаких других предохранительных мер для защиты глаз и все-таки никогда не болел снежной слепотой.

На Земле Бунге мы оказались в затруднительном положении. Резкое потепление и дожди усилили таяние снега на поверхности льда. В проливе по льду огромными озерами разлилась вода, и только участки торосистого льда казались сухими. Но эти участки были еще более опасны. Под сугробами снега там скрывалась вода, снег разрыхлел, и в таких местах легко было увязнуть. Мы могли бы спокойно остаться здесь до того момента, когда вскрыется пролив. Недостатка в пище у нас теперь не могло быть. Появилось много дичи: гаги, гуси, утки. Кроме того, научились охотиться на нерп, выползавших на лед. Печень нерп была прекрасным лакомством для нас, а мясо и жир отличной пищей для собак. Беспокоила не наша собственная судьба. Наши товарищи, переждав все сроки нашего возвращения и видя, что лед в проливе начал разрушаться, могут поднять тревогу, организуют спасательные партии и подвергнут себя действительной опасности. А мы здесь будем сидеть в полной безопасности! Мы решили готовиться к походу через пролив.

Из упаковочных жестяных ящиков, в изобилии валявшихся вокруг дома промышленников, соорудили портативную железную печку, у которой мы могли отогреться и обсушиться, если вымокнем в снеговой воде. Заготовили в дорогу сухих дров. Полозья чарт, чтобы они лучше

скользили по льду, обили гладкой тонкой жестью — деревянные полозья стерлись бы через несколько часов пути по шероховатому льду.

К отъезду все было готово, но мы решили выждать несколько дней. Решение это диктовалось такими соображениями. Под влиянием разъедающего действия воды, образовавшейся от таяния снега, лед тает неравномерно. При этом местами обычно образуются отдельные сквозные проталины. Через эти проталины вода с поверхности льда быстро стекает под лед, который, обсыхая, как бы всплывает. По такому обсохшему льду ехать будет значительно легче. Правда, мы рисковали тем, что лед может взломаться, притти в движение. Но и в этом случае мы надеялись перебраться по дрейфующим льдам, так как разводья и трещины вначале будут не столь велики, чтобы их нельзя было обойти. Нужно было всего лишь двое суток более или менее благоприятных условий, чтобы перейти через пролив. Ведь ходили же до нас многие полярные путешественники по дрейфующим льдам в продолжение длительного времени, почему же мы не сможем пройти? Так убеждали мы друг друга.

В ожидании подходящего момента мы тщательно следили за процессами таяния льда. Выходили часто на лед, измеряли его толщину в разных местах. Кстати, и охотились на нерп — занятие, весьма увлекательное.

Наконец, 11 июня на всем доступном глазу пространстве лед обсох. Исчезли с его поверхности голубовато-зеленые озера, дорога была открыта. Мы быстро собрались и тронулись в путь. Дул попутный северный ветер. Мы воспользовались этим и установили на нарте мачту с парусом. Парусом нам служила брезентовая палатка — эта идея принадлежала бесконечной изобретательности Леонова. Собаки, отъевшиеся на нерпичьем жире, бежали легко и охотно. Парус надувался ветром, собакам оставалось успевать убирать ноги из-под полозьев нарт. Но легкой езда была только на ровных участках. Среди торосов под оставшимся снегом было много воды. Мягкий, пропитанный водой снег не выдерживал тяжести нарт и собак. Собаки по брюхо проваливались в мокрое месиво и с трудом из него выбирались. Увязнув по колено, мы продолжали тащить нарты, напрягая все свои силы и обливаясь потом. Мы не чувствовали холода, несмотря на то, что ноги были в мокрых валенках. Иногда среди лаби-

ринта торосов попадали в такое месиво, что с трудом выбирались обратно по старому следу, и нам приходилось искать более благоприятного пути, делая большие зигзаги. Но все-таки за восемнадцать часов непрерывного пути мы продвинулись вперед на тридцать километров. На склоне большого нагромождения льда раскинули палатку, установили походную печь, обсушились и отдохнули. Пресной воды было вдоволь: кругом лужи и озера растаявшего снега.

Во время этого пути мы трижды останавливались лагерем на льдах пролива. Погода все время была пасмурная, дул попутный ветер, но таяние снега и льда продолжалось. Чем ближе подходили мы к Малому Ляховскому, тем больше становилось воды на льду. Но нас уже начало беспокоить другое: на юге вдоль берега что-то зловеще чернело. Неужели там уже оторвало лед?

На четвертые сутки стали хорошо видны темные берега острова Малого Ляховского. Вдоль его берега чернела полоса воды шириной около пяти километров. Но над водной поверхностью в разных местах стояли, точно островки, торосы. Значит, вода разлилась только по льду. Повидимому, на острове в результате бурного таяния снегов вскрылись речки, и вся масса речной воды хлынула на лед, затопив его.

В раздумье мы остановились на сухом месте. Так близко до спасительного берега, такой огромный путь проделан в труднейших условиях — и вдруг сравнительно небольшая полоса воды преграждает нам путь.

Отпущенников остался с нартой, а я и Леонов пошли в разные стороны на разведку. Чтобы не провалиться под лед, мы прощупывали впереди себя дорогу лыжными палками. Я решился войти в воду. Под ногами оказался скользкий гладкий лед. Я пошел смелее прямо по воде. Слой воды на поверхности льда оказался неглубоким — от тридцати до пятидесяти сантиметров. Прошел по воде ближе к берегу, потом возвратился к нарте. В том направлении, куда ушел Леонов, мы увидели, что он по воде уже дошел до берега. Ветер средней силы дул прямо на берег. Отпущенников наладил парус на нарте, я поднял собак, и мы тронулись. Собаки добежали до воды и резко повернули в сторону — не хотели идти в воду. Я взялся за ременной потяг и потащил их в воду. Они скулили и барахтались в воде, еле доставая лапами скользкое ледя-

ное дно. Нарты, попав на скользкий лед, под парусами пошли легко. Отпущенников прыгнул на нарту. Я побежал рядом, держась за веревку, привязанную к передней дуге. Теперь уже не я тянул нарту, а она тянула меня на буксире, а я лишь направлял ее движение. Собаки не впереди, а уже где-то сбоку с жалобным визгом барахтались в воде. Их тоже тащил парус вместе с нарткой. От быстрой и легкой езды нам стало весело.

Пытаясь упираться в скользкое дно, чтобы затормозить быстрое движение нарт, я раза два падал и несколько метров тащился по ледяной воде, не выпуская из рук веревки.

Вот и желанный берег. Собаки, мокрые, дрожащие от холода, сразу же стали отряхиваться. Только теперь я почувствовал, что промок с головы до ног.

Мы хорошо знали место, куда вышли. В двух километрах на запад, в устье реки Кыллах, находился дом промышленника Петухова, а в двенадцати километрах на запад от нее — наша гидрологическая метеорологическая станция.

Леонов приказал мне немедленно бежать к Петухову. «Мы справимся здесь и без вас», — сказал он, с тревогой поглядывая на меня.

Я бежал, стараясь согреться. Намокшая меховая рубашка и ватные штаны висели на мне огромной тяжестью.

Добежал до дома. Не видно ни собак, ни людей. Открыл дверь — в избе пусто. Промышленники, должно быть, перебазировались в другое место. Я вспомнил: Петухов говорил мне зимой, что весной они будут жить на базе Толля, на южном берегу острова. Там много озер, на которых обычно охотятся на перелетную дичь, главным образом на гусей.

Печка была в порядке, около нее лежали сухие дрова, на полке я нашел спички. Дрожащими руками растопил печку, снял с себя всю одежду и развесил сушиться.

Я почувствовал вдруг невероятную усталость. Как камень, повалился на стоявшую у стены кровать. Откуда-то издали проникли в сознание голоса моих спутников, а потом все исчезло, все куда-то провалилось.

Проснулся от ощущения голода. На столе рядом со мной — гора лепешек. Съел их, не вставая с кровати. Мои спутники спали на нарах. Я встал. Одежда моя высохла. Одежда, нашел мешок с мукой и начал месить лепешки.

— Отоспались? — услышал я голос начальника.

Леонов, приподнявшись на нарах, с улыбкой наблюдал за мной.

— Отоспался.

— А знаете, сколько вы проспали?

— Сколько?

— Двадцать восемь часов! Мы уже думали, не случилось ли с вами чего. Несколько раз принимались будить, но вы так безмятежно храпели, что решили оставить вас в покое.

Отдохнули и двинулись вдоль берега к нашей полярной станции. В доме Петухова оставили все приборы и ненужные вещи. Их легко будет перевезти потом на лодке. На нарту погрузили легкую лодку — ветку, которую нашли около дома. На этой ветке мы переправляли собак, нарт и по очереди переправлялись сами через устья многочисленных разлившихся весенних речек и временных ручьев. После всего пережитого последний двенадцатикилометровый переход казался нам легкой увеселительной прогулкой. Несколько раз останавливались пострелять гусей, плавающих целыми стаями в устьях речек.

Наконец (это было 20 июня), увидели на пригорке радиомачту и метеорологические будки. Собаки со звонким лаем рванулись вперед и по прибрежной полосе снега быстро подкатили к нашей станции. Навстречу нам бежали радист и метеоролог.

— Наконец-то! — радостно жмут они нам руки.

— А мы сильно беспокоились о вас, — сказал радист. — Специальному самолету поручено вас разыскивать. Он сегодня должен вылететь из Чокурдаха. Все время была нелетная погода, а то бы уже давно вылетел.

— Сообщите скорее, что никакого самолета не надо, все живы и здоровы, — приказал ему Леонов.

Немедленно послали успокоительные телеграммы родным.

Леонов послал краткий отчет о выполненных зимних работах в Арктический институт. Весь комплекс зимних работ по заданной программе, несмотря ни на какие трудности, в общем был выполнен.

Зимние приключения остались позади. Наступило полярное лето. В тундре уже растаял снег, а в районе Новосибирских островов льды обширного ледяного припая начали приходить в движение.

Как это ни странно, несмотря на многие лишения, длительный голод и неоднократные купанья в холодной воде, никто из нас не заболел. Теперь, когда все тяжести суровой зимовки были позади, мы с удовольствием вспоминали наши переживания в те дни.

Особенное уважение и восхищение вызывал во мне мой старший товарищ Леонид Иванович Леонов. Ведь ему шел пятый десяток. Он совершил уже много подобных путешествий. Зимовал на Земле Франца-Иосифа, на острове Белом, на острове Генриетты. Плавал на судах во многих морских экспедициях. Однако, проведя многие годы в Арктике, он не чувствовал себя утомленным и в любой момент готов был направиться в любую экспедицию, куда бы его ни послала родная страна.

Не прошло и суток после нашего возвращения, как я почувствовал себя отдохнувшим, и меня снова потянуло бродить.

Все вокруг нашей станции за эти дни стало неузнаваемым. Там, где еще недавно высились огромные сугробы снега, теперь чернела земля, по долинам и оврагам текли ручьи, над водой вдоль берега с шумом пролетали стаи уток и гаг. Я снова начал регулярно вести дневник. Привожу записи этих дней.

21 июня. Ходил с ружьем и рюкзаком за плечами в Станчик, там переночевал.

Утром вышел на косу у протекавшей рядом тундровой речушки и убил двух гусей. Рассортировал оставленные здесь продукты, набил рюкзак вещами, которые требовались на станции, и отправился в обратный путь.

25 июня. Только сегодня мы узнали о том, что наша страна подверглась вероломному нападению гитлеровской Германии. Уже четыре дня советский народ ведет войну с фашистскими бандами.

Наши мысли, чувства, желания с теми, кто защищает сейчас Родину на передовых позициях.

Сразу все стали как-то строже, подтянутее, серьезнее. Холодное, сырое, пасмурное утро. Даже птицы менее оживленно летают вокруг. Порывистый северный ветер хлопает полотнищем палатки. Ложные забереги воды на льду сузились, так как уровень воды в речках сильно понизился, и часть воды ушла под лед. Завтра с Отпущенниковым отправляемся на собаках на Станчик. Нужно подбросить на станцию продукты. В том районе больше дичи, и мы решили пожить там несколько дней, чтобы поохотиться в окрестностях.

30 июня. Вот уже пятый день живем с Петром Николаевичем Отпущенниковым в Станчике. Каждый день уходим в разные стороны на охоту и к вечеру возвращаемся со связками убитых гусей и уток. Погода все эти дни стоит пасмурная, сырой северный ветер, временами туман, морось и даже проходит зарядами снег. По небу ползут низкие серые облака.

Незаметно пролетели пять суток. Завтра с нагруженными нартами возвращаемся на станцию по обсохшему льду.

2 июля. Солнечное утро — после многих серых, однообразных дней. Палатка, в которой мы спим, сшита из тонкого полотна и хорошо пропускает солнечные лучи. Тепло, поют птицы. Так и кажется, что стоит только выйти из палатки — попадешь в весенний лес, полный тепла, таинственных шорохов, шелеста зеленой листвы.

Выхожу из палатки. Хотя и нет леса, но хорошо: теплый южный ветерок, кучевые облака плывут по яркосинему небосводу, у берегов лед разбух и почернел, а вдали отливает темной синевой. Серебряными блестками играет поверхность небольших озер и ручейков на льду. Там, где несколько месяцев назад была мертвая белая равнина, проснулась жизнь. Порхают пуночки, подорожники, взлетает ввысь полярный жаворонок и там, в небесной синеве, поет веселую песню весны. А вот ручеек. Кое-где по его краям еще лежит рыхлый, доживающий последние дни снег, а рядом, тут же, где вчера только растаял снег, пробиваются зеленые побеги травы.

Вчера, возвращаясь со Станчика, пережил небольшое приключение. Я выехал на лед на нарте. Собаки бежали легко по ровному скользкому льду, я сидел на нарте и смотрел на берег, где порхали куропатки и на обрывах сидели белые совы. Вдруг собаки рванулись и понесли

меня к берегу. Я соскочил с нарты, уцепился за них, пытаясь затормозить, но безуспешно. Собаки бешено неслись с лаем и визгом. Впереди низко над льдом летели две утки, и собаки мчались за ними. Мне удалось, наконец, опрокинуть нарту, но было уже поздно. Лыдина подомной, как соты, изъеденная таянием, отломилась от остальной массы льда и стала медленно погружаться под тяжестью нарты. Собаки с жалобным визгом барахтались в ледяной воде. Я пытался удержать нарту, но лыдина медленно погружалась в воду, а вместе с нею и я. Вода уже доходила мне до пояса, как вдруг я почувствовал, что лыдина остановилась, осев на дно. Нарта с грузом перевернулась в воде. К счастью, весь груз был завернут в брезент и крепко увязан веревкой. До берега оставалось около пятидесяти метров. Собаки пытались вылезть на лед, но тонкие края его тут же обламывались под их тяжестью. Тогда я, подобно ледоколу, пробил канал к берегу и потащил за собой по этому каналу собак и нарту.

Пришлось долго повозиться в студеной воде, прежде чем мне удалось вытащить нарту и собак на более прочный лед. Для безопасности отъехал подальше от берега, так как здесь было много опасных ловушек. На лед во время зимней пурги нанесло много камней, земли и песка. Более темные по цвету, чем лед, они интенсивнее поглощают солнечную энергию и быстро нагреваются, лед вокруг них быстрее тает. Собаки занесли меня как раз на такое место, где лед на темных местах подтаял и представлял непрочную ажурную решетку.

С тяжелым чувством, мокрый и промерзший, возвращался я на базу. Продуктов у нас в обрез, а тут еще я их вымочил. Но все обошлось благополучнее, чем я ожидал. Два мешка муки, консервы и масло не пострадали совсем. Пропала только некоторая часть сахара и вымокли папиросы.

Мои товарищи отнеслись сочувственно к этому происшествию, и никто из них не сказал мне ни слова упрёка.

5 июля. Каждый день хожу на охоту. Дичь служит хорошим подспорьем в нашем питании. Собаки, несмотря на то, что вокруг много дичи и леммингов, также нуждаются в дополнительном питании. Для них бьем поморников и чаек, а сегодня Леонову удалось убить на льду нерпу.

Над косой у устья речки Отобой все время с громким криком выются чайки. Они вылавливают в устье речки рачков и мелкую рыбку — сайку, живущую у льда. Среди серых чаек-крачек сегодня появилось несколько редчайших экземпляров розовых чаек. Изумительная нежно-розовая окраска перьев у этих птиц гармонирует с красивыми движениями и изящными очертаниями их тела. Это очень редкая разновидность чаек. Они небольшими группами встречаются на Новосибирских островах, водятся и гнездуют на Колыме. Фритьоф Нансен, когда ему впервые удалось держать в руках экземпляр розовой чайки, назвал себя счастливейшим человеком.

По просьбе Леонова я застрелил двух розовых чаек, и сейчас он кропотливо обрабатывает их шкурки и собирается набить чучело.

8 июля. Мне не сидится на месте. Я не устаю наблюдать столь разнообразную здесь полную неожиданностей природу. Уже исходил окрестности станции на много километров вокруг. Хотелось бы пересечь остров. Я уговорил Петра Николаевича, и мы выпросили у нашего начальника разрешение сходить к промышленнику Петухову на южный конец острова, на базу Толля.

9 июля. Вышли вчера от устья речки Отобой. Я взял курс по ручному компасу на юг. Пересекли холмы и долины-распадки. Погода туманная, временами белая пелена тумана совсем застилала пространство. Но к полуночи, когда солнце было на севере, подул ветерок и открылось ясное, голубое небо. Перешли вброд речку Отобой. Дно этой речки покрыто тонким слоем ила, из которого в изобилии растет зеленая трава, а под илом — лед. Местами в этом льду протаяли глубокие ледяные ямы. Петр Николаевич провалился в одну из них и основательно выкупался.

К утру пересекли водораздел в центре острова. Низкие холмы расчленены множеством долин, разветвляющихся во всех направлениях. В долинах неглубокие лужи воды,

Кулик-плавунчик

заросшие зеленой травой. В них возятся и пищат несметные количества мелких куликов-плавунчиков. Они обычно подпускают на очень близкое расстояние и, только когда подойдешь вплотную, с шумом срываются, перелетают на несколько шагов и опять продолжают мелькать между кустиками травы, разыскивая в воде пищу и не обращая на нас никакого внимания.

Вышли в долину речки Кубалах, которая течет в южном направлении. Пересекли много ее притоков. Долина этой речки отличается от долин речек Отобой и Станчик, текущих в северном направлении. У тех долины слабо выработанные, русло неопределенное, заболоченное. По существу — это цепочка распадков. Речка Кубалах имеет широкую долину с резко выраженными коренными берегами и углубленное русло. Южные склоны острова прогреваются солнечными лучами интенсивнее, мерзлая почва оттаивает на большую глубину, поэтому она легче поддается размывающему действию воды. Дно реки илистое, мягкое.

Крутыми зигзагами петляет Кубалах по широкой долине, образуя плесы и перекааты. На перекатах ласково журчит вода. Ближе к устью ширина долины между коренными берегами достигает четырех-пяти километров. Русло реки шириной от двадцати до пятидесяти метров извивается по этой долине, подходя то к одному, то к другому берегу. Основная терраса, ровная и широкая, приподнята над зеркалом воды на три-четыре метра. Терраса как бы расцвечена яркими красками: на фоне зеленых заболоченных участков сверкают на солнце беспорядочно разбросанные небольшие озера-старицы. Здесь раздолье для водоплавающей птицы. По дороге мы спугнули несколько стай гусей.

Перейти на противоположный берег нам удалось только в устье, где река выходит на широкую лайду¹, заливаемую морской водой во время сильных нагонов воды с моря. Лайда отделена от моря гигантской естественной дамбой, сложенной из мелкой гальки. Она тянется на пять километров во всю ширину речной долины, от одного коренного берега до другого. Река прорывает дамбу в самом углу. Дамба образовалась постепенно, в течение многих лет.

¹ Лайда здесь обозначает отмель. Якуты называют лайдами озера или чаще тундровые болота.

В этом месте море неглубоко, поэтому при нажиме льда на берег гигантские льдины вспахивают грунт, вползают далеко на берег и заносят вместе с собой на пятиметровую высоту тонны гальки. В теплое время года лед на берегу тает, а галька остается. Иногда таким напором льда запруживается и русло реки. Тогда за дамбой на всей лайде образуется огромное озеро. Подобные образования в отмельных местах впадения рек в море весьма характерны здесь для устьев речек на всех островах.

В устье речки Кубалах на левом берегу расположен стан Петра. Пересекая долины, холмы, переходя вброд русла речек, мы прошли шестьдесят километров пути, прежде чем попали в этот стан. Затопили печку, обсушились, хотели немножко поспать. Но летом стан Петра оказался менее благоустроенным, чем зимой. Снег, залеплявший многочисленные трещины и дыры, растаял, также растаял и лед, вставленный в два небольших окна, и через многочисленные щели по урассе гулял ветер. Заснуть было невозможно. Решили идти дальше на базу Толля, до которой оставалось всего восемь километров.

10 июля. Пришли на базу Толля. Петухов с семьей и двумя членами его промысловой бригады, тоже якутами. Они перестроили эту небольшую хижину в настоящий дом, и нам, бывавшим здесь зимой в полярную ночь, даже трудно было узнать ее. На низкий сруб, поставленный еще Воллосовичем, они положили еще несколько венцов из бревен плавника, перестлали потолок, настлали пол, в стенах прорубили два больших окна: один с видом на море, другой на остров. Окрестности этого места оказались весьма привлекательными в летнюю пору. Вокруг большая низкая равнина, уходящая на юго-восток. Вдали виднеются холмы острова, а на западе расстилается море, покрытое у берегов грязносерым, а вдали зеленым разбухшим льдом. Летом в многочисленных озерах, до краев заполненных водой, и их окрестностях множество линяющей и гнездящейся водоплавающей дичи: гусей и уток. Это и привлекает сюда промышленников на лето.

Особенно удачна бывает охота ранней весной, в конце мая — начале июня, когда гуси непрерывными вереницами летят вдоль западного побережья островов на се-

вер и садятся отдыхать на вскрывающихся озерах. Охота на них в это время очень несложная. Вокруг озер устанавливают в разных местах небольшие шалаши из плавниковых бревен — скрадки¹. Рядом с черной проталиной на белом фоне снега расставляют манки², окрашенные в черный цвет. Стая гусей с высоты видит привлекательную черную поляну и рядом с ней на снегу гусей. Вожак каравана дает сигнал, и стая кругами начинает снижаться. На расстоянии выстрела охотник, скрытый в шалаше, стреляет. Не успевая ничего понять, гуси с разгона продолжают снижаться. Раздается еще несколько выстрелов. Таким образом выбивают от пяти до десяти гусей из стаи. А за этой стаей летит следующая, и охота продолжается в том же порядке.

Бывали случаи, когда гуси приземлялись рядом с бегущими по тундре собаками, принимая их за своих собратьев. Иногда нам удавался такой фокус: увидев стаю гусей, мы пригибались, вытягивали руки наподобие гусиной шеи, чтобы привлечь их внимание, и кричали, подражая их пронзительному крику. Вожак, услышав знакомый крик, давал сигнал стае, и вся стая снижалась, чтобы рассмотреть, что же заставило их товарища приземлиться в этом месте.

Промышленники рассказывали нам, что весной во время полета гусей каждый из них убивал не менее сотни гусей в день.

Обосновавшись в том или ином месте, гуси становятся более осторожными. На воде они особенно хорошо видят и слышат и редко подпускают на выстрел охотника. Требуется много терпения и осторожности, чтобы подкрасться к ним.

Встретили нас промышленники, как всегда, очень радушно. Гостеприимство промышленников-якутов заслуживает всяческой похвалы. Они всегда готовы поделиться последним, уступить гостям все лучшее. Вот и теперь, когда мы пришли усталые и голодные, они накормили нас и уступили свои кровати, устроившись на полу. Природный такт, внимательность, вежливость и спокойствие проявляются во всех их действиях.

¹ С к р а д о к — от слова скрадывать, прятать.

² М а н о к — вырезанный из фанеры профиль гуся.

11 июля. Солнечный день. Зеленеет тундра, летают птицы, по озерам от сильного ветра бегут волны. В южной стороне над горизонтом синеют горы острова Большого Ляховского. Искривленные рефракцией, они непрерывно меняют свои очертания.

«Лед в море скоро взломается, — сказал нам Петухов, — в прошлом году он взломался уже 13 июля. Тогда мы переедем на Станчик — ловить рыбу».

Распрощавшись с гостеприимными хозяевами, мы отправились в обратный путь вдоль берега. К вечеру пришли на Станчик. Давно ли здесь всюду лежали снежные сугробы, а сейчас зеленеет трава и цветут желтые полярные маки. Все спешит жить, торопится использовать короткое полярное лето. Не прошло и месяца, как мы пришли со льда на остров. Было еще много снега, летели с юга караваны гусей, стаи уток. А теперь птицы уже сидят на яйцах, гуси-самцы улетели линять на озера в глубь тундры, и уже порхают молодые птенцы пуночек. Совсем недавно я пробирался по этому распадку, увязая по пояс в снегу, а сейчас тут зеленеет мягкий ковер травы, в оставшихся лужах полощутся и ныряют большие стаи куличков-плавунчиков.

12 июля. Вечером вернулись на станцию. За наше отсутствие лед оторвался от берега и в полукилометровой прибрежной полосе моря теперь гуляют барашки волн. А дальше в проливе во льду образовались огромные трещины и разводья, синеющие в лучах солнца. Лед пришел в движение. Всего несколько дней назад, когда мы уходили, под обрывом было еще много снега. От него не осталось и следа. В долине, где было небольшое озеро, уже зеленела трава и цвели желтые цветы. От озера осталась лишь небольшая лужа. А ведь прошло всего четыре дня! Сегодня Леонов сообщил, что наше судно получает новое задание. При первой возможности нас вывезут в Тикси, откуда нам приказано следовать в Ленинград. Наконец-то мы попадем на Большую землю, и, может быть, нам посчастливится принять участие в больших боевых делах.

13 июля. Над нами пролетел самолет. Сбросил почту, и самое главное для нас — газеты со сводками Информбюро за конец июня — начало июля. Мы носились вдоль берега, собирая рассыпавшиеся пакеты, кричали, махая руками пролетающему самолету. Трудно описать, с ка-

ким волнением мы разворачивали эти листки. Рев машины вспугнул огромные стаи уток, гаг, чаек, собравшихся на ночлег у кромки льда.

Самолет сделал над нами круг и направился на север, к полярной станции Котельный, чтобы и там сбросить почту.

14 июля. Яркий теплый день. В палатке душно. За стеной слышен громкий разговор. Вышел из палатки и увидел необычную картину: метеоролог и радист в одних трусах загорают на солнце. Метеоролог сообщил, что сегодня в 7 часов было двенадцать с половиной градусов тепла, а в 9 — пятнадцать градусов. В середине дня была настоящая жара — двадцать три градуса. Целый день ходили в трусах, наслаждаясь теплом, а некоторые даже выкупались в речке.

16 июля. Попрежнему сияет солнце. Теплый ветер с юга приносит аромат земли и комаров. Полоса воды вдоль берега расширяется. По ней проплывают, покачиваясь, отдельные льдины.

Тихим вечером на легкой лодке я поплыл вдоль берега на Станчик за остатками продовольствия. Солнце медленно катилось над самым горизонтом. Над водой пролетали утки-морянки и гаги. В вечерней тишине слышался свист их крыльев. Слетаясь с разных направ-

Над нами пролетел самолет

лений небольшими группами, они огромными стаями собираются на кромке льда на ночлег. Тундра расцвечена яркими низкорослыми цветами, даже в камнях среди плавника расцвели редкие стебельки желтых полярных маков. Выстрелил в стаю уток — четыре утки остались на месте, остальные с шумом взлетели и потянулись в разные стороны. Звук выстрела много раз повторенный эхом, гулко разносился в пространстве.

Вот и Станчик. Сколько раз уже эта гостеприимная ураса спасала меня от непогоды. Сейчас вокруг нее зеленели лужайки, порхали птенцы пуночек, на холмах вокруг кричали куропатки-самцы, охраняя своих подруг, сидящих на гнездах.

Я лег спать на крыше урасы. Проснулся в полдень, когда солнце сильно нагрело мой темный спальный мешок.

17 июля. Дул сильный ветер. Льды отогнало далеко от берега. По обширному водному пространству гуляли волны. Попутным ветром лодку быстро несло вдоль берега.

20 июля. Кончилась ясная, солнечная погода. Вчера ходил на западный берег острова. Лед отогнало далеко от берегов. В проливе Санникова плавают разбитый лед. Температура воздуха упала до трех градусов тепла. Комары исчезли. Морской ветер принес сырость, туман и холод. Непрерывно шумит прибой, шелестя галькой. Пополотнищу палатки барабанит дождь. Кончилось, очевидно, золотое лето. Теперь, когда большие пространства моря освободились от льда, наступает пора дождей, штормов и туманов. Не видно вокруг и птиц. Лишь иногда пролетит в поисках добычи на большой высоте черный поморник, повертывая голову то в одну, то в другую сторону, да ветер донесет резкий, неприятный крик гагар с озера в пяти километрах отсюда.

Ходил вверх по речке Отобой. В устье много воды. А выше речка местами совсем пересохла, и в русле густая зеленая трава. Река превратилась в небольшие озера, соединенные ручейками. Увидел первый гусиный выводок: два серых гуся, вытянув шеи, быстро убежали от нас, прячась в траву, а за ними с писком, кувyrкаясь через бу-

торки, катились пушистые желтенькие комочки — недавно вылупившиеся гусята. Я оставил их в покое. К вечеру ветром разогнало облака, проглянуло солнце. Поднялся на высокий холм. Там, где месяц назад было сплошное зеркало воды, сейчас между холмами вьется зеленая долина, и только местами, как окна, окаймленные зеленым ковром, светлеют небольшие озера. Но всюду, — под водой и под тонким слоем ила, на котором зеленеет трава, — лед. Это ископаемый, или каменный лед, лежащий в течение многих веков под слоем земли в основании значительной части острова.

22 июля. Брожу, наблюдаю, записываю. Сегодня сходил в покинутый дом промышленника Петухова. Оттуда на легкой лодке привез оставленные нами приборы. Холодно, температура воздуха всего один-два градуса тепла. Когда возвращался обратно, попал в сильный дождь. Сверкнула молния. Сначала я подумал, что это мне показалось, но вслед за молнией над головой гулко прогремел гром. Гроза — очень редкое явление в этих краях даже еще в холодную погоду.

28 июля. Переменные ветры гоняют лед взад и вперед вдоль пролива. Я зачастую ухожу от станции на тридцать-сорок километров. Зарисовываю льды, слежу за жизнью на острове. Все уже привыкли к моим частым отлучкам. На два-три дня ухожу с ружьем, ночью в шалашах, промысловых станах или просто у завалов плавника — там, где свалит меня усталость. Доставляю на станцию уток, гусей и снова ухожу в тундру. Объем наблюдений на станции сейчас невелик, поэтому начальник освободил меня от всех стационарных наблюдений и предоставил полную свободу. Я приношу сведения о льдах и связи дичи. Сведения о льдах передаем по радио в органы ледовой службы, а дичь служит большим подспорьем в нашем питании.

Сегодня подул южный ветер. Открылась бездонная синева неба. Греет солнце. Снова откуда-то появились злющие комары. К вечеру ветер стих. Проходя вдоль русла реки, недалеко от ее устья, я заметил, что уровень воды поднимается на глазах. Волна за волной катилась вверх по руслу, а вокруг тишина, ветер не шелохнет. Откуда же волны? На западе над горизонтом быстро растет вал седобородых облаков. Так вот, оказывается, в чем дело. Облака и волны далеко обогнали ветер. Надвигает-

ся холодный облачный фронт. Вскоре облака закрыли солнце, и, наконец, подул сырой холодный западный ветер со все нарастающими резкими порывами.

Низко над водой, свистя крыльями, пролетели две утки-морянки. Я выстрелил, но промахнулся. Вслед за выстрелом, прямо на меня с противоположной стороны галечной косы вспорхнула гага. Распустив крылья, раскрыв клюв, она бросилась мне почти под ноги. Потом она поползла от меня, волоча крыло по гальке, стараясь отвлечь мое внимание в сторону. Я был немного удивлен ее поведением и побежал за ней, чтобы поймать ее руками. Но она снова села в нескольких шагах от меня. А, вот в чем дело! — с косы в воду скатились четыре маленьких пушистых утенка и поплыли по воде. Представляясь подбитой, мать пыталась отвлечь мое внимание в сторону от них. Эта обычно осторожная птица, чтобы спасти птенцов, сейчас настолько близко подпускала меня к себе, что я касался ее рукой. Я пожалел ее и пошел стороной. Когда она увидела, что опасность миновала, она вспорхнула и, сделав большой круг, села около своих птенцов. Сколько раз она еще будет жертвовать собой, спасая их от сов, песцов и других хищников, прежде чем они вырастут!

6 августа. Вот и конец полярного дня. Сегодня первый раз заходит солнце на нашей широте. Я еще раз за эти дни навесил промышленников на базе Толля. У юго-западного берега острова чистая вода — лед оторвало от берега и угнало на север. Но пролив Санникова забит по-прежнему льдом, лишь вдоль берега сохранилась широкая полоса чистой воды. Отдельные льдины, оторванные от основного массива, носит ветром по этому пространству. В Тикси началась навигация. «Темп» вышел оттуда 3 августа за нами, но дошел лишь до острова Столбового — дальше пробраться не смог. Гидрологи из Тикси сообщили, что с запада нас отделяет от свободного пространства моря стомильная ледяная полоса. «Темп» по заданию командования морскими операциями делает ледовую разведку, оконтуривая границу льдов в море Лаптевых.

11 августа. Осень. Отцвели полярные маки. Часто идет мокрый снег, трава потеряла свежий вид и начинает желтеть. Утки собираются уже в огромные стаи. Как быстро пролетело лето! «Темп» делал несколько попыток про-

биться через льды к нашему острову, но пока безрезультатно. Сейчас он лежит где-то в дрейфе у кромки льда в море Лаптевых. Как сообщают полярные станции Кигилях и Шалаурово, пролив Дмитрия Лаптева чист от льда.

20 августа. Вчера пришел еще раз на Станчик. На огромной лодке сюда приехали промышленники с базы Толля ловить рыбу в устье речки. Ходил с ними проверять сети, но рыбы нет. Слишком близко от берега льды, рыба ушла на юг. Так объяснил мне Петухов отсутствие рыбы в этом году. А в те годы, когда море рано вскрывается от льда, здесь ловится омуль.

Вечером на горизонте появилась наша шхуна. Она отчетливо вырисовывалась на светлом фоне неба. Против Станчика она встала на якорь. К берегу подошел катер и взял нас на борт судна. На «Темпе» почти ничего не изменилось: те же люди, та же обстановка.

Невольно думаешь о том, как все-таки неустойчивы наши представления о времени: как долго тянулась для нас полярная ночь, минуты казались иногда часами, но вот прошел год, и кажется, что он пролетел мгновенно.

Это была моя первая зимовка в Арктике. После этого я бывал в Арктике ежегодно — плавал на экспедиционных судах, летал на самолете через огромные арктические просторы. Но никогда больше я уже не испытывал той остроты переживаний, как в ту зимовку, когда мне впервые удалось осуществить мечту далекого детства — участвовать в арктических экспедициях. Я и сейчас с увлечением работаю в Арктике, но многое для меня теперь стало здесь привычным и обычным, а в то время все казалось необычным.

Детство я провел далеко от полярных стран — в центральной полосе Советского Союза. Впрочем, большинство моих товарищей по полярным экспедициям провели детство на юге или в больших городах — Москве, Ленинграде. Однако страстное желание исследовать и освоить север нашей Родины объединяет всех нас, и каждый год, особенно ранней весной, мы, как перелетные птицы, стремимся на север. Нас влечет и захватывает огромная созидательная работа на Крайнем Севере. Есть в этом влечении и доля романтики, не чуждой почти каждому из нас. Работа в Арктике стала для нас привычной, но каждый раз, направляясь туда, мы хотим найти, пережить

что-либо необычайное. Это чувство свойственно почти каждому, побывавшему хоть раз на Крайнем Севере.

Кто в детстве не увлекался книгами о путешествиях в далекие, незнакомые края! И мысли, внушенные этими книгами, вырастают часто в настойчивую мечту — испытать самому в действительности все приключения, связанные с путешествиями в неизведанные страны.

В эту зимовку я держал экзамен. Мне кажется, что я его выдержал.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
В бухте Тикси	7
Пролив Дмитрия Лаптева	11
Новосибирские острова	19
На мысе Медвежьем	40
На пустынном берегу	47
В полярную ночь	53
Снежная весна	70
Во льдах пролива	80
Полярное лето	104

Автор *Алексей Федорович Трёшников*

Редактор *В. Офина*

Техн. редактор *Е. Волкова*

Корректоры *Т. Вайль, Э. Санович*

Т-00687. Сдано в производство 8/XII 1954 г.
Подп. к печати 17/III 1955 г.
Бумага 84×108/32 — 17/8 бум. л. = 6,15 печ. л.
6,2 уч.-изд. л. Тираж 25000 экз.
Изд. № НП — 00361. Зак. 2395.

7-я тип. изд-ва «Морской транспорт».
Ленинград, ул. К. Заслонова, 30.